

Антонина ГИЛЕВА

КАЙ-КАЙНЫН И БРАКОНЬЕРЫ

Киноповесть

Глава 1

В яранге из палок и оленьих шкур есть на что посмотреть — ее создатель щедро завесил почти все пространство охапками высушенных трав, «ловцами снов» и амулетами. На полу — ветви кедрового стланика, подушки из меха, тут и там разбросаны колотушки, примитивные плоские и ступы из дерева. Но разглядеть все это времени почти нет.

Жарко, темно, чадят светильники на жире.

Бум!

Шаман с бубном, в расшитой бисером парке наклоняется над двумя гостями. Страшно? Еще бы, капюшон как морда волка! Так и ждешь, что хвост сзади мелькнет или лапа когтистая вместо руки до тебя дотронется.

Бам!

Шаман бьет еще и еще, и уже непонятно, за чем следить — за монотонным звуком, за узорами из красных и белых полос на лице шамана или за языками пламени небольшого костра. Он почти спокойно горит посередине яранги, но иногда выстреливает искрами.

Бум!

Мужчина и женщина средних лет в футболках и джинсах даже съеживаются, когда проводник в мир таинственного нависает над ними коршуном.

— Духи нижнего мира приветствуют вас, гости из далеких земель! — рычит шаман по-корякски. — Духи предков готовы рассказать вам...

Но тут, где-то в другом углу, реальность врывается в ярангу голосом модной певички и незатейливым набором слов про кровь, любовь и то, что кто-то там кого-то никогда не забудет.

— Ой, простите! — У шамана оказывается нежный девичий голосок, да и прыть тоже не как у тысячелетнего демона. — Сейчас... извините...

За шкурой лисицы на полке спрятаны современная беспроводная колонка и смартфон. Гости переглядываются, смеются, поднимаются и идут к выходу.

— Спасибо, мы поняли в общих чертах, — на ходу говорит турагент Ольга.

— Да, отличная часть программы! Чуть-чуть доделать надо и плей-лист для представления подготовить, чтобы таких накладок не было, — улыбается турагент Дима.

Они покидают мрачную темноту корякской яранги и выходят на задний двор дома будущего экскурсовода Ивнэ. Вот и она сама — с облегчением стягивает с себя парку и аккуратно кладет бубен на грядки с укропом. Ярангу для демонстрации она построила прямо в огороде. Если партнеры из Петропавловска-Камчатского согласятся продавать ее туры в село Тилиль, овощи она купит осенью. Контейнер. Или два. Но зелень и редиску на всякий случай посадила. Мало ли что.

— Вы с вентиляцией что-нибудь придумайте. Или представление покороче сделайте. — Ольга жадно дышит.

— Вытяжку поставьте, — предлагает Дима. — Отличная «фишка» с предсказаниями и гаданиями, у нас такого еще не было.

Ивнэ без шаманского наряда оказывается вполне миловидной двадцатилетней девушкой с короткими блестящими черными волосами, смуглой кожей и карими глазами. Она не полная, но крепко сбитая и немного коренастая, как и все коряки.

— Это сборная конструкция. Я добавлю пару окошек, когда в лесу ставить будем. — Ивнэ с надеждой слушает вердикт своих будущих партнеров.

— Хорошо бы еще в костер что-нибудь засандалить... — мечтательно тянет Дима. — С искрами, дымом цветным!

— Никаких спецэффектов! Нас госпожарнадзор проверками замучает, — обрывает полет его фантазии Ольга. — Вся пиротехника, пожалуйста, на открытом воздухе.

— А что дальше? — Дима смотрит на Ивнэ.

— Пеший поход по окрестностям села Тилиль. С вооруженной охраной, конечно: у нас тут медведи бродят. Безопасность туристов превыше всего. Чистый воздух, горные реки... И трехчасовая рыбалка в одном из самых заповедных и самых красивых мест Камчатки! — Ивнэ изо всех сил старается не тараторить.

Если бы Диму, Ольгу и Ивнэ кто-то сейчас снимал с верхнего ракурса и заставил камеру взмыть вверх, он бы увидел, как небольшое камчатское село Тилиль становится точкой на карте среди гектаров первозданной природы — леса, рек, озер и вулканов.

...А потом камера плывет по небу несколько километров и так же быстро падает вниз — на берег реки, заваленный мешками с цементом и стройматериалами. Несколько «камазов», бетономешалок и кранов работают одновременно и создают в живописном уголке промышленное чудовище. Рыбозавод на месте участка лицензионного лова оказывается сюрпризом не только для визитеров из Петропавловска-Камчатского, но и для Ивнэ.

— А другое место для рыбалки тут есть? И чтобы без проблем с законом? — Дима разочарованно вздыхает.

— Тут еще неделю назад «лицензионка» была для частников... — Ивнэ беспомощно оглядывается. — И для коренных.

Через час Ольга и Дима ждут посадки на вертолет на специальной площадке возле села. За пределами грунтовой посадочной полосы толпятся несколько десятков человек с сумками, пакетами и чемоданами. Они ждут, пока пилоты откроют салон, выпустят прилетевших и выгрузят багаж.

— Нам очень нравится ваш тур! — Ольга сочувственно улыбается Ивнэ.

— Мы готовы предлагать его туристам. Но мы не можем везти людей без рыбалки! — объясняет Дима. — Нужен «пакет», понимаете, все за один день: и шаманские пляски ваши, и ловля на спиннинг. Утром прилетели, вечером улетели. Если делать дополнительную остановку на вертолете в другом районе, стоимость вырастет в разы, на это никто не согласится.

— Я договорюсь! — Ивнэ надеется, что ее голос звучит уверенно.

Наконец дверь вертолета открывают изнутри и выпихивают наружу железную лестницу. Турагенты становятся в очередь желающих улететь.

— Будем ждать! Только быстрее! Через пару недель — уже сезон! — напоминает Дима.

Ивнэ кивает и про себя подсчитывает: сейчас на дворе начало июня и у нее остается дней десять, чтобы решить вопрос с рыбалкой.

— Я все устрою! До свидания! — Ивнэ машет турагентам.

Из вертолета выпрыгивают два бравых, слегка нетрезвых и очень веселых парня. Ивнэ знает их: это ее бывшие одноклассники Леха Зиновьев и Саня Соловьев. Зиня и Соловейчик, как их прозвали еще в детском саду. Оба в дембельской военной форме, с рюкзаками. Но Леха — с длинной, не по уставу, прической, с фуражкой набекрень, расхлябан и небрит. А Саня — выбрит, подстрижен, в выглаженной одежде. Ивнэ обоих не видела давно. Знает только, что они окончили одиннадцать классов, год пинали балду, а затем улетели в краевой военкомат.

Турагенты больше не оглядываются и поднимаются в вертолет.

— О, Инга! — Саня узнал девушку.

— Ивнэ. Я теперь Ивнэ, — фыркает корячка. — А вы откуда такие нарядные? Все, отслужили?

— А то! — Леха приосанивается, грудь колесом.

Саня смотрит на него и повторяет те же движения. Видно, что он в этой паре ведомый. Леха — высокий, косая сажень в плечах, русоволосый и сероглазый, вечно лыбится и шутит. А Саня — ему по плечо, кареглазый и темноволосый «пельмешек», который еле-еле успевает за своим лучшим другом. Они и жили рядом, и сидели в школе за одной партой, и долг Родине ушли отдавать вместе, и даже там, похоже, не расставались.

— Странно — ни оркестра, ни красной ковровой дорожки. — Ивнэ театрально всплескивает руками.

— Леха сказал... Ну то есть мы решили сюрприз своим сделать! — делится Саня.

— Молодцы. Инфаркт — лучший подарок маме, — ухмыляется Ивнэ.

— Имя поменяла, а заразой как была, так и осталась, — тянет Леха.

— Как была, так и осталась... — Саня смотрит на друга, кивает и подхватывает, повторяет, как всегда. Но тут же спохватывается: — Извини, Инга.

— Ивнэ. По-корякски — «говорящая женщина». Для вас — Ивнэ Сергеевна. Пока вы там маршировали, я уже на директора туристической фирмы отучилась. В Питере! — хвастается их собеседница.

Леха достает из кармана початую фляжку, явно не с соком, отпивает из нее и передает Сане.

— Санек, а ты все: «медвежий угол, медвежий угол»... Вон какие люди и дела у нас! За Тилиль!

— За дружбу! — салютует фляжкой его товарищ.

Саня пьет и вдруг замирает. А за ним — и Леха, и Ивнэ. Они смотрят, как к вертолетной площадке на красном джипе-пикапе лихо подъезжает еще одна их старая знакомая. Рыжая кудрявая девушка, зеленоглазая, лицо сердечком, всегда рисуется. Вылитая амазонка, ее хоть в мешок из-под картошки заверни — след будут смотреть все мужчины от шести лет до ста. Зовут амазонку Катя. Рядом с ней на пассажирском сиденье джипа притулился ее отец, Богдан Иванович, полноватый хитрый торгаш.

Катя открывает дверь, спрыгивает и идет к кабине пилота. Тот вдвое старше нее, повидал и шторма, и тайфуны, и аварийные посадки в тайге, но при виде главной красавицы Тилиля выпрямляется и проводит по щетине — жалеет, что не побрился.

— Привет. Сегодня-то муку привезли? — Катя даже не говорит, а мурлычет.

— Сейчас выгружу, Катенька! И соль тоже — как просили, по завке. — Пилот очарован. Обычная картина.

— Накладные у папы сверьте, пожалуйста. — Катя кивает на джип.

Богдан Иванович достает из бардачка бумаги, открывает дверь и, вывалившись из машины, направляется к пилоту. Последний явно хочет пообщаться не с ним, но вынужден нырнуть обратно в кабину, вернуться оттуда с документами и разговаривать с торговцем, а не его дочь.

Тем временем Леха и Саня одновременно вздыхают.

— Старая любовь, смотрю, не ржавеет. — Ивнэ с ехидцей смотрит на парней.

— Мальчики, как вы вовремя! — Катя, заметив друзей-демпелей, улыбается так, будто гнала на вертолетную площадку только ради встречи с ними.

— Катюха, салют! Скучала? — Леха пытается обнять красотку, но она ловко уворачивается.

— Привет, Катюша, — блеет в сторонке Саня и краснеет.

— Помогите папеньке, пожалуйста!

Рыжей бестии не приходится повторять дважды. Леха и Саня наперегонки кидаются к грузовому отсеку, берут по мешку и несут к багажнику пикапа.

Ивнэ закатывает глаза. Катя нарочито мило улыбается парням и шепчет бывшей однокласснице:

— Завидуешь?

— Поражаюсь, — так же тихо отвечает Ивнэ. — Восхищаюсь.

— Копейка рубль бережет. — Катя аплодирует добровольным помощникам. — Зачем нанимать грузчиков, если и так желающих полно? Ну как, договорились на пятьдесят процентов?

— Да кто сувениры из бисера по такой цене брать будет? — шипит корячка. — Давай пятнадцать процентов наценки. Я и так это все на Сахалине закупила, доставка «золотая» вышла!

— Я лучше в ларьке лишнюю полку под водку оставлю. Точно разберут, — пожимает плечами Катя.

— А я тогда туристов на километр к твоему ларьку не подпущу. Через сопку маршрут сделаю, — наносит решающий удар Ивнэ.

— Сорок.

— Двадцать.

— Тридцать. — Торговаться Катя любит.

— Договорились. — Ивнэ расслабляется: с такой арифметикой она все равно остается в плюсе. — На следующей неделе мне еще брелки из кости моржа и мамонтов передадут.

— Хорошо, — раздумывает владелица ларька. — Но смотри, брать не будут — уберу с витрины. Без обид.

— Ладно. Ты подумай насчет летней веранды, типа кафе на открытом воздухе, возле ларька. Чай там, кофе, бутеры какие-нибудь... Шашлык из лосося. Давай! — Ивнэ делает шаг в сторону, потом кричит парням: — Пока, защитнички Родины!

— Просчитаю, потом обсудим. Чао! — Катя отворачивается и машет рукой Лехе и Сане, пока те закидывают последние мешки в багажник пикапа.

Вечером того же дня, уже после заката, протрезвевшие и переодевшиеся дембеля сопровождают Катю на променаде. Место для прогулок тут одно — берег реки за околицей. Здесь новенький деревянный пирс, к столбам привязаны лодки. Горят костры, возле них готовят свои моторки к путине рыбаки. Кто-то красит, кто-то разбирает и собирает двигатели, не обращая внимания на празддно гуляющих молодых людей.

Катя вальяжно идет по тропинке, в шаге позади от нее бредут Саня и Леха, кидая друг на друга недобрые взгляды. То один, то другой пытается нагнать Катю и пойти рядом, но они мешают друг другу — толкаются, загораживают проход.

— Что расскажете, мальчики? — вздыхает Катя, делая вид, что не замечает их возни, и обмахиваясь от комаров сломанной на ходу веткой.

— Сань, слышал? К тебе во множественном числе обращаются, — смеется Лешка.

— Как твой день, Катенька? — Саня наконец-то догоняет красавицу.

— Товар приняла, товар разложила, заявку на товар оформила. — Она смотрит вперед, но мыслями витает где-то среди накладных и ценников.

— Как интересно, Катенька! А я вот на работу завтра выхожу. — Саня чуть виновато смотрит на Леху. — Я еще из части позвонил, на мази все.

— Молодец, — со скукой в голосе хвалит «пельмешка» красотка.

Троица доходит до высокого обрыва. В пяти-шести метрах от них в реке видна песчаная отмель, как остров посреди бурного течения.

Леха опять тянется к Кате, та ловко уворачивается и решает оживить обстановку:

— Кто первый до острова и обратно, того поцелую!

Саня еще оценивает задачу, а Леха уже метнулся к рыбакам и несется обратно с веревкой. Подбирает на берегу сук, наматывает на него веревку. Он не собирается нырять и плавать. Делает «тарзанку», закидывает веревку на толстую ветвь лиственницы на берегу и, проверив, как держится, с криком разбегается и прыгает через воду на отмель. Приземлившись, выпрямляется и щегольски проходит «колесом».

Соловейчик пользуется моментом и обнимает Катю за талию, тут же машет Лехе. Катя смеется, выворачивается из рук Сани и сталкивает его в реку с обрыва.

В камчатских реках никто не плавает, можно вырасти на берегу и ни разу не окунуться: слишком быстрое и стремительное течение, а вода — всегда ледяная. Где Леха научился плавать, он и сам не помнит, но в здешних местах этого почти никто не умеет, и Соловейчик-то уж точно. Саня уходит под воду, и Леха бросается спасать друга.

— Скучные вы кавалеры! — поддразнивает ухажеров Катя.

Леха доплывает до Сани, хватает его и тащит к берегу.

— В ЗАГС пойду только с тем, кто мне квартиру в Петропавловске купит. — Катя разворачивается и уходит, бросив напоследок: — Там и свадьбу сыграем.

Саня вырывается из Лешкиных рук, пробует ногой дно — можно стоять.

— Катя! Я в рыбнадзор устроился, к Семенычу. Катя! Подожди меня до осени! — Саня принимает ее шутку за правду. Год провел вне Тилиля, игры Катькины забыл.

— К упырям этим? Тьфу! — Леха выходит из воды.

— Нормальные они. И Семеныч нормальный, — огрызается Соловьев.

— Катюха! Ты с ним от скуки умрешь. Меня до осени подожди! — кричит Зиня вслед девушке.

Саня поскользывается на камне и падает в воду. Хорошо, что тут всего-то по пояс. Отлично, что Катенька не видит. Плохо, что лучший друг, кажется, тоже принял поддразнивание рыжей всерьез.

Глава 2

Ивнэ возвращается домой примерно в то же время, когда на другой стороне села Катя занимается любимым делом — морочит головы мужчинам. Каждый развлекается как умеет. Ивнэ вот полдня слонялась по берегу реки, которая внезапно стала стройплощадкой. К руководству ее никто не пустил, так что корячка просто изучала план будущего размещения предприятия по контейнерам и технике. Если повезет, они застроят не весь участок, а для туристов со спиннингами много места не надо, хватит и полусотни метров.

К хозяйке подлетает пес-кавказец Полкан. Он на цепи, но привязан к проволоке, так что может свободно перемещаться по периметру двора. Когда ярангу смотрели турагенты, Ивнэ прятала собаку в доме, а перед уходом выпустила размяться.

— Полкаша! — Девушка треплет пса за холку. — Соскучился, мой хороший? Подожди, скоро вынесу поесть...

Только сейчас она замечает, что возле входной двери на завалинке сидит старейшина общины села Тилиль — Спиридон Кондратьевич. Это седой коряк в старом замызганном и промасленном камуфляже — местной «униформе». Он раза в три старше Ивнэ и кажется ей немыслимо древним. Девушка подходит, и он с трудом поднимается ей навстречу.

— Эх ты, охранничек! — Ивнэ укоризненно смотрит на собаку. — Даже не тявкнул. Здравствуйте, Спиридон Кондратьевич!

— А кто за ним смотрел, пока ты в Ленинград моталась? Кто его кормит, пока ты по лесам шастаешь? — Старейшина сердито глядит на девушку. — Скажи спасибо, что на тебя, как на чужую, не гавкает.

Ивнэ не приглашает старика в дом, он сам идет следом. Она надеется, что он только за травами явился, но боится, что добрые люди уже донесли ему о ее планах. А ведь она всего-то парой слов обменялась с соседями по пути домой...

В доме темно. Ивнэ включает свет. Лампочка озаряет единственную комнату с печкой посередине. За печкой кровать и шкаф. На полу — медвежьи и волчьи шкуры. На стенах на гвоздях — бубен шамана, шапки из меха, маска ворона, плоские фигурки и маски чукотского божка-пеликена из кости и дерева, «ловцы снов».

— Опять артрит? — уточняет Ивнэ.

Старейшина кивает. Ивнэ идет к полкам, на которых разложены мешки с высушенными травами и листьями, начинает искать нужное снадобье.

— Ты чего народ баламутишь, дочка? — Спиридон Кондратьевич решает усостыжить юную землячку.

Он был в этом доме не раз, и его тревожат перемены. В этом году в «столовой» появился чистый уголок — новенький письменный стол. На нем — ноутбук, стопками лежат туристические брошюры и буклеты. В десятках картонных коробок рядом — груды упакованных сувениров из бисера и камней.

Ивнэ выбирает пучки травы из разных мешков, идет на «кухню», находит пакет, кладет в него травяной сбор.

— Кипятком заварить и настаивать пару часов. — Она протягивает пакет Спиридону Кондратьевичу.

— Да помню я. Спасибо... Так все-таки что за агитацию ты сегодня развела?

Ивнэ садится за стол, открывает крышку ноутбука и включает его. На заставке фото маленькой девочки и ее бабушки в шаманском наряде возле костра. Ивнэ смотрит на изображение спокойно, а вот ее гость громко вздыхает.

— Пить три раза в день, — роняет Ивнэ. Но потом все же решает объяснить: — Это сход общины. Для защиты законных прав коренных народов Севера.

— А тебя уже старейшиной выбрали?

Ивнэ криво улыбается.

— Молодежь! Лишь бы гундеть да шуметь. Кто бы еще работал! — возмущается Спиридон Кондратьевич.

Ивнэ резко разворачивается, встает, подходит к старейшине.

— А как вы рыбу будете ловить? Где? Если «лицензионку» для простых людей отрезали? А квоты наши? Они же пропадут! — Ее голос чуть не срывается на крик.

— Слушай, ну наверху-то не совсем дураки сидят! Надо письма написать — обращение к главе района, потом к губернатору. Общественность подключим, ассоциации и союзы... Всегда договориться можно! Но ты же не из таких. Ты — как бабка, как прабабка. Шаманом сама себя назначила...

Старейшина хмыкает, снимает со стены одного из пеликенов, вертит в руках, потом возвращает на место.

— Ну тогда за мазью для ног зимой беги к кому-нибудь еще, кому должность почетной шаманки досталась. Желающих-то полно! А уж знахарок вообще пруд пруди. — Ивнэ издевательски разводит руками.

— Ну погорячился... Но все-таки! Как будто я не знаю, что ты с райцентром сговорила туристов сюда возить и нас, как в зоопарке, показывать!

— Почему бы и нет, если они деньги платят? — Ивнэ знает, что разговор бесполезен, но не останавливается.

— Деньги! Одно на уме. Вот это, — показывает Спиридон Кондратьевич на маску пеликана, — не корякский, а чукотский божок. А этот — вообще попса. Американцы про него сказок насочиняли. — Он подходит к «ловцам снов», проводит по ним рукой. — Вот эта ерунда — поделки североамериканских индейцев. Штатовские хиппи их по всему миру распропагандировали... Все в кучу смешала, лишь бы бусин и перьев побольше! — Старейшина качает головой.

— Ну и пусть! Кто об этом знает? Меня в Питере учили привлекать туристов устоявшимися брендами, а не изобретать велосипед. Кто будет разбираться, чем мы от чукчей или индейцев отличаемся!

— Скоро и мы, коряки, того знать не будем — с такими-то... шаманами!

Старейшина поворачивается и уходит из дома Ивнэ не прощаясь.

— Я все равно пойду на рыбозавод! — говорит девушка ему в спину. — Можете дома сидеть. А люди — со мной. Им рыба нужна!

Она возвращается к ноутбуку и пишет сценарий встречи туристов. Иногда сверяется со словарем русско-корякского языка, потрепанной книжицей, изданной еще во времена СССР. Ивнэ и учить-то язык предков начала после школы, пару лет назад, когда поступила на менеджера туризма в колледж в Северной столице.

Ивнэ в себе не сомневается: у нее вся жизнь — препятствия и их преодоление. Выжила в интернате после смерти бабушки — уж и с московскими рыбопромышленниками как-нибудь справится!

Глава 3

Леха лебезит перед отцом с самого утра. Павел Александрович — такой же высокий, только слегка раздобревший с возрастом, да волосы уже наполовину седые — поглядывает на отпрыска понимающе, но пользуется его стремлением угодить. Донесли уже соседские кумушки, где вчера Зиновьев-младший купался и что Катька (вертихвостка, да сколько можно!) на берегу во всеулышание пообещала.

И огород сынуля полил, и теплицу прополол, и двор подмел. Теперь вот красить лодку-моторку помогает. Она стоит на самодельном «сходе-развале» во дворе крепкого каменного дома. Двести квадратов, бетонный фундамент. Такого «дворца» ни у кого в Тилиле нет — да и на пару тысяч километров в округе тоже, и не потому, что кругом лес и дикие звери. А потому что Павел Зиновьев ко всему подходит основательно. В кого вот его младшенький такой озорной пошел, он не понимает.

— Ты во сколько вчера домой заявился, солдатик? — Павел Александрович делает вид, что ничего не знает. — Мать, как дура, скатерть накрахмалила, стол накрыла. А он зашел, сумку кинул, помылся, расфуфырился — и фюить!

— Да мы с Саней по старым корешам прошлись, — темнит Леха. — Батя... дай лодку на лето!

Отец выслушивает, молча вlepяет сыночку смачную затрещину и уходит в дом.

Леха и на кухне продолжает канючить и спорить. Мать тут же вручает ему ведро картошки, таз с водой и нож. Чего без дела сидеть?

Зиновьев-старший приносит из сейфа карабин и свои «сокровища» — хлопковые патчи, масло, растворитель омеднения, деревянные шомпола. Жена его Галина вздыхает: еще минут десять — и на столе опять будет грязная от масла ветошь и полуразобранное оружие.

Леха чистит картофель и сопит.

— А потом эта владычица морская что захочет? Золотой снегоход? — Павел Александрович мочит хлопок в масле, берет в руки карабин, шомполом протягивает патч сквозь канал ствола.

— Батя, да что такого-то? Правильно она все разложила. Я — добытчик, мужик. Ну дай лодку! — не унимается Леха.

Мать неодобрительно смотрит на сына, но пока молчит, помешивает бульон в кастрюле, сыплет приправы. С кухни не уходит: предчувствует, что ее любимые мужчины скоро опять поссорятся и начнутся, как обычно, гром, молнии, кулак по столу, хлопанье дверями...

— Мужик?! Я, когда сюда при советской власти приехал, у нас с твоей мамкой один чемодан на двоих был, книжки, одежда на себе, и варежки мне баба Лида сунуть успела. Все сами!

Эту историю отец рассказывает в сотый раз, и, как всегда, с удовольствием. А вот сынуле ее слушать давно надоело.

— Опять ты начинаешь! Жизнь теперь другая.

— Люди, смотрю, не меняются. И рыбку съесть... — Отец делает паузу, пока смачивает новые патчи.

Мать громко стучит поварешкой по стенкам кастрюли.

— ...и костями не подавиться. — Павел Александрович косится на супругу.

— Что, я в тайге сам не справлюсь? — гнет свою линию дембель. — Полтонны икры сделаю. Легко!

В двадцати километрах от села Тилиль, на берегу нерестовой реки, без лишних глаз и ушей, соседи Зиновьевых радуются жизни. Худой и юркий девятнадцатилетний Толик и его сверстник, неуклюжий недотепа Славик сворачивают сети. Горбуша прет так, что они за утро перевыполнили свой личный план на день. Хороший год, урожайный. Четыре года назад лосось нерестился добротнo, вот и вернулась поросль с красно-оранжевыми от икры боками в родную заводь.

Но не может все идти как по маслу. Сначала парни слышат вдали катер рыбоохраны, а через полминуты его видят — как и инспекторов на борту.

Толик и Славик бросают сети и несутся к лесу, но из зарослей им навстречу выходят еще двое рыбаков — в форме с шевронами, за плечами ружья.

— Пошли обратно! Документы! Свои. На рыбу. Быстро! — Инспекторы без труда ловят незадачливых браконьеров и тащат их обратно к реке.

Леха со злости чистит картошку так, что от нее остается «горох».

Павел Александрович продолжает смазывать карабин и все еще надеется достучаться до сына:

— Лет десять ты себе сделаешь. Строгого режима. Еще и сопротивление представителю власти, и все на свете «нарисуют» — ахнуть не успеешь!

— Сынок, папка дело говорит. Что еще за «Последний герой» эта Катька устроила? Вот я дойду до ее отца! Вырастил королевишну! — Лехина мать грозит кому-то поварешкой.

Во двор их дома молнией влетает Толик — в том же виде, как был на реке: в камуфляже, накомарнике и грязных сапогах. Он запрыгивает на крыльцо, врывается в дом и выпаливает, едва не падая на колени:

— Дядь Паш, выручайте! Теть Галь, помогите!

— Толян, ты чего? — Павел Александрович отодвигает карабин по-дальше.

— Толик, держи, миленький! — Галина наливает воды в стакан и несет беглецу.

Глаза у Толика безумные, движения дерганные, он не может стоять на месте. Надо, надо бежать дальше, но вдруг и тут по-соседски помогут...

— Нас рыбаки на ключе накрыли. Два часа дали... — Парнишка в пару глотков выпивает воду и протягивает стакан обратно Галине. — Славик у них... Если не принесу, обоих закроют!

— Сколько? — Отец Лехи уходит в другую комнату.

— Дайте хоть сколько-нибудь... Двести косарей запросили, шакалы! — Толик с надеждой смотрит вслед Павлу Александровичу: вдруг у того будет вся сумма.

— Слушай, у меня тысяч тридцать если есть в заנачке, уже хорошо. Егерям сам знаешь как платят, — доносится голос Зиновьева-старшего.

— Спасибо! Я наберу по селу, — отзывается горе-браконьер.

Зиновьев-старший входит на кухню с тонкой пачкой наличных.

— На. Это Семеныч озверел? — интересуется он.

— Спасибо, дядь Паш! Я осенью все отдам. Нет, областные нагнули. Семеныч не знал, так бы подмигнул вчера...

Толик забирает деньги и несется дальше — обивать пороги других соседей.

Родители смотрят на Леху. Тот молчит. Обычная на самом деле история во время путины. Не нашел «крышу» — будешь играть в кошки-мышки с представителями закона и вот так носиться по селу, выкуп собирать...

Пара часов для Славика тянется бесконечно долго. Успеет ли Толик найти деньги и вернуться или бросит товарища? Сам бы он возвратился? Парнишка наблюдает, как инспекторы пакуют сети и снасти, считают контейнеры с икрой. Он слишком занят своими переживаниями и не обращает внимания на противоположный берег, где за кустами стланика в человеческий рост почти комфортно расположились двое мужчин в новеньком служебном камуфляже.

Начальник районного отдела рыбоохраны сорокапятилетний Семеныч не без удовольствия наблюдает за суетой на берегу. Ему в этот раз самому бегать не пришлось: коллег навел — и любуйся. Староват он уже за нарушителями гоняться, это дело молодых да резвых, чином пониже. Лысый и крепко сбитый Семеныч много времени проводит на реках, так что, в отличие от сверстников, брюшком и вторым подбородком не обзавелся. Но чем дольше он работает, тем меньше хочется всех этих походов и дикой природы. Обрыдло! В баньку бы, шашлычок, коньячок, музончик...

Но к баньке нужна беседка, к беседке — тропинка, цементом залитая, до цемента — щебень и гравий. Знал бы, не строил бы ту баньку, в сауне бы лучше парился раз в неделю с мужиками, причем в райцентре. Дешевле бы вышло.

— Семеныч, спасибо за подгон! — благодарит его по мобильному коллега из областного управления.

— Спасибо на хлеб не намажешь. — Семеныч делает многозначительную паузу.

Тут на моторке к берегу причаливает Толик. Торопится, чуть не падает в воду, когда выпрыгивает. Деньги у него с собой — достает из кармана, машет ими инспекторам, которые остались возле Славика.

— Десять процентов. Еще начальству надо отстегнуть. А эти балбесы, — коллега имеет в виду Толика и Славика, — с тобой не поделились, что ли?

— Да маловато они нынче платят, — жалуется Семеныч. — Инфляция же в стране...

Глава 4

Рыбозавод москвичи собирают в рекордные сроки, успевают почти к началу путины. Может, они и не жители столицы, но для камчадалов все, что дальше Сибири, — загнивающий Запад и все, кто оттуда приезжают, — «москвичи». Будь они хоть из Смоленска, хоть из Белгорода. Хорошие люди у местных работу не забирают.

Новые владельцы участка на реке привезли не только контейнеры, технику и сети, они даже рыбаков, охранников и рыбообработчиков закинули в Тилиль с материка.

Леха не знает, как его отец договорился, но он оказался единственным местным и единственным мужчиной на сорок сотрудниц в цехе рыбопереработки.

Зиновьев-младший трудится здесь уже две недели и потихоньку звереет от однообразных действий и рыбной вони. На нем резиновые сапоги, фартук и перчатки. Он по двенадцать часов в сутки проводит перед оцинкованным технологическим столом в первом секторе, куда на контейнерной ленте через окошко с улицы передают тушки рыбы. Здесь будущие консервы лишаются хвоста и головы.

Во втором секторе рыбообработчики небрежно чистят тушки от чешуи, рассекают рыбе брюхо, выпарывают молоки и икру, не глядя раскидывают их по разным контейнерам. Требуху сбрасывают в желоба с проточной водой. За каждым из столов есть шланг, и им постоянно приходится пользоваться. Кровь и ошметки внутренностей часто летят на пол мимо стоков и столов.

Ближе всех к Лешке стоит пятидесятилетняя Лидка, разбитная хохотушка откуда-то не то из Нижнего, не то из Верхнего Новгорода. В первые дни они с ней трещали взахлеб, шутили и юморили, но с каждым днем желания разговаривать все меньше и меньше.

Схватил рыбу, отрубил голову, шпик по хвосту, передал дальше.

На секунду Зиня отвлекся и посмотрел, как проточная вода уносит отходы рыбообработки. Он знает, что москвичи поленились сделать нормальный отстойник снаружи, за стенами. Рыбьи кишки смывают просто в большую яму с водой всего в сотне метров от цеха. Гниль бродит, появляются и лопаются пузыри, в воздухе роятся мухи. Это место отделено изгородью из колючей проволоки в человеческий рост. Такое ограждение не выдержит даже годовалого медведя в пару центнеров весом. А жители леса обязательно сюда придут: они знатные любители тухлятины. Зиновьев-младший уже несколько дней думает, не подойти ли к мастеру и не сказать ли об этом. Но мастер не местный, с гонором и вряд ли станет слушать паренька из камчатского села.

Лешка устало смотрит на бесконечные ряды рыбы на конвейере и пытается вспомнить, ради чего он согласился здесь работать. Лучше бы к отцу младшим егерем пошел в заповедник. Но тогда бы он все лето провел вне села, а Соловейчик, похоже, и правда возомнил себя претендентом на руку и сердце Катюхи...

Рыба — так рыба.

Санек Соловьев за одну эту неделю получает сразу три «боевых крещения» — три задержания браконьеров на разных реках. Он бегает, орет, боится потерять табельное оружие (которым на самом деле никто не пользуется, но положено носить), старается не отстать от коллег и отчаянно про себя молится: только бы не споткнуться, только бы не упасть, только бы не стать посмешищем на новой работе.

В глубине души Соловейчик думает, что ему тут не место, тут бы Лешка показал себя во всей красе, но друг наотрез отказался идти в подчинение к Семенычу. Да и зарплата на рыбзаводе оказалась в несколько раз выше, чем у рядового инспектора рыбоохраны.

А что Семеныч? Не такой уж и зверь оказался; наговаривают, наверно, на него в селе. Родители Саньки ни рыбалкой, ни охотой не увлекаются, оба работают в местной школе. Папа — директор, мама — учительница. Рыбу соленую, копченую и вяленую им в избытке поставляют семьи учеников. Икру красную слабосоленую банками, вместо цветов, приносят на День знаний, День учителя и Новый год. Как праздник — так в подполе места свободного нет. В общем, рядовые заботы среднестатистического селянина — как кижучем и неркой на зиму запастись, подосиновиков и жимолости с брусничкой набрать — их семью обходят стороной. Как и опасения, что верша в ручье возле дома — ловушка для рыбы из проволоки и сетки с входом-воронкой — обернется таким штрафом, что никакой горбуши или кеты в жизни больше не захочется.

От мыслей о семье Саню отвлекает Семеныч. Они вдвоем идут самым тихим, неслышным ходом на катере мимо зарослей стланика по одному из притоков реки Тилиль. Семеныч меняет курс — поворачивает на небольшой островок с огромными камнями; за ним еще метров десять воды, а потом уже берег реки. Вот в этом самом месте, между островком

и берегом, от чужих глаз прячутся двое мужчин-пенсионеров на резиновой лодке. На борту поставили удочки, достали чай в термосе и бутерброды в фольге, жуют, тихо переговариваются — и не успевают выкинуть снасти и улов в воду, когда со стороны реки на них, как акула, выплывает белый катер рыбоохраны.

— Здрасьте, господа нарушители! — хищно улыбается Семеныч.

Саня заглядывает в лодку — на дне бьют хвостами несколько еще живых горбуш.

— Да тут всего пара хвостов. Может, предупреждение? — предлагает Соловейчик.

— Оформляем! — приказывает начальник. — Санечка, закон есть закон.

В цехе рыбозавода Леха с отвращением рубит рыбе головы и хвосты.

Рубит.

Рубит.

Рубит.

На секунду останавливается. Смотрит на рыбью башку с вытаращенными глазами и сплевывает.

Наконец-то на стене мигает красным цветом фонарь, обвитый проволокой.

— Обед, бабоньки! — звонко кричит Лидка.

Зиня бросает нож на стол и присоединяется к женщинам, которые выходят из цеха.

Прибрежная зона изменилась до неузнаваемости. Хозяева огородили территорию плотным металлическим забором. Кажется, что свободна только река — куда и заходит рыба на нерест. Ей бы дальше, к истокам, выметать икринки и сдохнуть. Из икры появятся мальки и попрут в обратном направлении, в море, чтобы вернуться через четыре года... Это вечный круг природы. Но теперь лосося к устью реки не добраться — путь плотно перегороджен сеткой-рабицей. Прибывающую горбушу, кету и нерку можно голыми руками доставать перед ней, но вытягивают сетями.

Зиня думает, что с организационной точки зрения москвичи все сделали умно. Тут и ловят рыбу, и обрабатывают, и пакуют. Рабочие здесь и трудятся, и живут: для них за считанные дни возвели общежития из контейнеров. Он единственный, кто каждый вечер уходит за ворота предприятия и утром возвращается обратно. Никто, кроме него, переработками и редкими выходными не возмущается: раз прилетели за несколько тысяч километров и, кроме тайги, выйти некуда, то какая разница, двенадцать или четырнадцать часов работать. Кормят, поят, в цех пешком дойти можно; это не Москва — полтора часа в одну сторону по пробкам добираться.

Рыбаки на берегу бросают сети и выстраиваются в очередь к шлангам с водой. Лешка тоже ждет минут пять, пока можно будет ополоснуть лицо и руки.

Метрах в пятидесяти от цеха уже накрыт обед. Пластиковые столы, пластиковые стулья, пластиковая одноразовая посуда. Тут все временно,

на всем экономят. Кормят, на вкус Зиновьева-младшего, по сравнению с мамкиной стряпней — паршиво. Да даже и с армейской пайкой не сравнить.

— А до сколько мы сегодня? — Леха идет к «столовой» вместе с вездесущей Лидкой.

— До десяти. Участок закрывается в девять тридцать. Мы последнюю партию чик-чик — и баиньки.

Его коллега всем довольна. Еще бы — за полгода она тут заработает столько, что в своем Нижнем или Верхнем Новгороде спокойно будет жить до следующего лета.

Леха садится за стол и разочарованно изучает миску. В ней — уха. Красная рыба, картошка и морковь. Даже укропа нет. Зиня с отвращением смотрит на вареную рыбью голову у себя в миске. Не он ли ее «чик-чик» пару часов назад? На мгновение он как будто снова оказывается в холодном цехе, где постоянно льется вода и на всех столах стучат ножи и топорики.

Он берет с общего блюда кусок хлеба и уже настраивается доработать голодным до вечера: дома мать точно оставит ему вареной картошки с мясными котлетами или борща.

Но тут привычную рутину прерывают гудки автомобилей за воротами.

Ивнэ решает не собирать коряков на внеочередной сход общины. Она уговаривает их вместе наведаться на бывший лицензионный участок для рыболовов-любителей. Путина только началась, и жители села еще не успели почувствовать, что от рыбы их отрезали.

Сейчас девушка оглядывается и видит поразительное единодушие земляков: возле нее и старейшина, и родители одноклассников, и даже детей с собой привели. Несколько сотен человек пришли «поздороваться» с москвичами. Она понимает, что пока отозвался в лучшем случае каждый десятый, а в селе — полторы тысячи жителей. Но лиха беда начало!

Охранник лет тридцати в черной униформе ошалело смотрит на гостей. До сих пор у него работа была не бей лежачего, лишь бы перед руководством не спалиться, заснув на посту. Он и травмат на дежурство брать перестал: если вдруг медведь или волк наведаются, успеет за ворота спрятаться. Хорошо хоть, рацию не забыл! Он уже несколько раз нажимал кнопку вызова и докладывал начальству. Но пока что отдуваться за всех приходится самому.

— Режимный объект! Нельзя! — как попугай повторяет охранник и косится на ворота.

— Чой-та? Сегодня путина началась. Вот мы и пришли — на свой лицензионный участок. — Старейшина разговаривает как полоумный тугоухий дедушка. Это его любимое развлечение — перед тем, как задавить собеседника знанием законов и инструкций.

— Допуск только для сотрудников, — держит оборону охранник.

Собралось бы жителей села Тилиль человек десять — постояли бы они под воротами и разошлись несолоно хлебавши. Но толпа в несколько сотен — это уже веская причина для начальства, чтобы показаться.

Директор рыбозавода Анатолий Сергеевич — эффективный управленец, экс-глава частной сети пекарен в Московской области. Тихий алкоголик, он иногда срывается в загулы на несколько недель, поэтому и отправился на заработки черт знает куда, если смотреть на карту России стоя на Красной площади.

Анатолий Сергеевич вальяжно, с широкой улыбкой идет сразу к старейшине:

— Спиридон Кондратьевич, здравствуйте! А я сегодня вечером к вам заехать хотел. Наслышан, наслышан о вас в Петропавловске, хвалили, рассказывали! — и жмет горячо руку старому коряку.

Ивнэ подозрительно смотрит то на своего земляка, то на этого надушенного франта. Двадцать пять градусов тепла, а он в костюме-тройке, еще и с жилеткой, и с шейным платком.

— Зря вы дорогу перегородили, скоро грузы пойдут, — притворно сетует Анатолий Сергеевич.

— Так мы тут тоже по делу. Квоты у нас, — медленно, со значением тянет Спиридон Кондратьевич.

Люди толпятся вокруг них, пытаются услышать каждое слово.

Ивнэ работает локтями, вылезает вперед старейшины и становится прямо напротив лощеного приезжего.

— Осваивать квоты надо! По закону! — Она торопится, но договорить не успевает.

— Да пожалуйста! Но по закону теперь любителей-рыболовов ждут в Пасане. — Анатолий Сергеевич лукаво улыбается.

— Это ж полторы сотни километров по горам! — ахает Ивнэ. — Туда дороги нет!

Леха наблюдает за переговорами сельчан и руководителя завода с другой стороны ворот, вместе с рыбообработчиками. Видит в толпе своих маму и папу, пригибается: не хватало еще при всех отвечать мамуле, поел ли он и когда будет дома. Оглядывается и решает, что этот цирк надолго и в ближайшие пару часов его никто не хватится.

Зиня отходит от людей и идет к цеху, но огибает его и крадется к выгребной яме, которую тут устроили вместо положенного бетонного отстойника с плотной металлической крышкой. Тут уже дышать сложно. Он поднимает руку и закрывает нос рукавом, надеясь, что смрад не впитается в одежду. Обходит яму и по маленькой красной ленточке находит нелегальный выход с территории. Колючую проволоку он ножницами по металлу порезал сам на второй или третий день работы, когда проспал. В результате обошлось без отметки в журнале приходов-уходов, и нарушитель дисциплины избежал штрафа. Сказал старшему по цеху, что остался ночевать в общежитии. Лидка прикрыла. Да и тайный выход, о котором никто

не знает, укладывается в Лешкину жизненную философию: всегда должно быть как минимум два запасных варианта.

Делегация из села наблюдает, как Ивнэ и старейшина разговаривают с Анатолием Сергеевичем.

— Деточка, тут участок для промышленного освоения. Документы все у нас в порядке, согласования мы еще зимой прошли. Территориально вам, конечно, теперь далековато до любительского участка, но эти вопросы — уже не ко мне, — подчеркнуто вежливо по второму кругу объясняет директор рыбозавода.

— Я вам не деточка! — кипит Ивнэ. — Я руководитель туристического агентства! И я еще год назад разрешение на частный лов рыбы на этом самом берегу выбила и логистику доставки туристов организовала!

— Мы кэмэнээс. Коренные малочисленные народы Севера, — перебивает ее Спиридон Кондратьевич. — Давайте договариваться.

— Надо вам помочь, конечно, — участливо кивает москвич.

Вечером старейшина и Ивнэ сидят за кухонным столом в ее доме и смотрят на пару выпотрошенных горбуш на клеенке.

— Они там, в Москве, совсем офигели? — наконец прерывает молчание Ивнэ.

— Два «хвоста», — сконфуженно констатирует Спиридон Кондратьевич, но продолжает бодро: — Зато каждую неделю!

— У меня по квоте годовой — триста килограммов. — Ивнэ уже не знает, как объяснить собеседнику, что все его «договоренности» — пшик. — У нас в селе — с полсотни таких квот. Да они тонны за наш счет выловят!

— Права ты, конечно. Пойду на пять «хвостов» договорюсь.

Лешка в этот день больше не возвращается на рыбозавод. Гуляет по лесу, заскакивает домой, пока мать с отцом не вернулись, быстро опустошает холодильник и обдирает материну клумбу с ромашками. Смотрит на часы: скоро Катюха закроет ларек и пойдет домой, а он — тут как тут!

Но Соловейчик подкатывает раньше. Зиновьев-младший еле успевает спрятаться за угол, чтобы с ромашками своими не опозориться. Санек оказывается, притаранил букет голландских красных роз. Небось на спецзаказ вертолетчику разорился. Все, спелся с Семенычем, решает Леха. А рыжая-то и рада! Несет показушно букет — диковинку для этих мест: не идет, а плывет медленно — вдруг не все соседи разглядели. Розы тут, как и яблоки с абрикосами, на вес золота.

Санек на самом деле получил аванс и еще у коллег занял на этот «веник»; с зарплаты отдаст и еще должен останется. Но Зиня об этом не узнает.

Тетя Галя, Лехина мать, выходит на крыльцо, смотрит на двор и понимает, что чего-то не хватает. Рассматривает пустой «сход-развал» и,

как стояла, так и садится наземь. Приземляется на ступеньку и хватается за сердце. Про себя она что есть сил костерит дочку лавочника. Как и все матери молодых сыновей, тетя Галя с нетерпением ждет Катькиной свадьбы. Мамки выдохнут, за головы схватятся женки.

Опустошитель холодильника и клумбы уже далеко — километров за десять от села. Уходит на отцовской лодке по реке вглубь полуострова, подальше от рыбоохраны и конкурентов в незаконном промысле. Знает он хорошее место для стоянки на берегу протоки, где рыба проплывает на нерест.

На корме лежат ружье в чехле, пачка патронов, рюкзак с провизией, мешок соли. Контейнеры для икры пристроены на дне суденышка.

Леха счастливо щурится от заходящего солнца и с предвкушением смотрит вдаль.

Глава 5

Проходит три недели. На рассвете, чтобы успеть до жары, Спиридон Кондратьевич встает полить огород с картошкой. Он живет в частном секторе, его и в советское время квартиры в пятиэтажках не манили. А теперь-то, прогнившие, облезшие, с такой-то квартплатой — тем более.

В сенях старейшина подбирает шланг, поворачивает вентиль и, пока вода из скважины не рванула, семенит к грядкам. Смотрит на них и вспоминает, что супружница еще позавчера просила разлить жидкий навоз из ведер, но опять ленится. Стоят и стоят себе рядком, есть не просят, не к спеху эти лишние телодвижения.

Вода течет, село просыпается: где петухи кукарекают, где дверями «ранние пташки» хлопают, кто-то уже машину заводит... Ничего особенного. Почти середина лета, погода сухая, устойчивая. От мыслей о том, что дождей хотелось бы побольше, старейшину отвлекает свежая дыра в заборе. Кто-то из соседних мальцов еще прошлым летом неудачно въехал в ограду на велосипеде, но у старика так руки и не дошли заменить доски. В конце концов, не такая уж большая дырка была. Но вот теперь кто-то выломал проем почти два метра на полтора. И у этого «кого-то» бурая шерсть — клоки застряли на свежих сломах...

Фыр!

Фыр-фыр-фыр!

Старейшина медленно-медленно поворачивает голову и видит, как из-за угла дома появляется огромная голова медведя, а потом мощные лапы с черными когтями.

Медведь спокойно смотрит на человека, нюхает воздух, делает шаг. Еще чуть-чуть — и перегородит вход в сени.

Старейшина беззвучно открывает рот, глубоко дышит. Не шумит. Нельзя.

Медведь скалит клыки. Но не рычит, гаденьш. Изучает. Проверяет.

Старейшина неспешно наклоняется и хватает кончиками пальцев ведро с удобрением. Так же осторожно поднимает его, уже ладонью берет за дужку, покрепче.

От прыжка медведя в воздух взвивается земля. Но тут в морду звеню прилетает жидкий навоз, слепя ему глаза, и следом — удар ведром в голову.

Старейшина не бежит, а летит. Обегает хищника, прячется в сенях и захлопывает дверь.

Пристройка — из шлакоблоков, дверь — железная. Окна вот обычные: деревянные рамы, одинарные стекла. Надо укрыться в доме. Но Спиридон Кондратьевич прижимается спиной к стене и слушает, что там творит незваный гость.

Бум!

Хищник мчит по следу человека и врывается в дверь. Рычит, злится!

Со стен сыплется старая известка.

— Я тебе там воду оставил, умойся, — сплевывает старик и быстро скрывается в доме.

Через пару часов охранник у ворот обалдело смотрит на автоколонну из села. С полсотни джипов и мотоциклов подъезжают к воротам и гудят, гудят, гудят, как будто матерятся.

Парню в черной униформе и так невесело. Возле рыбозавода уже дышать нечем от вони, все работники ходят в масках или с повязками на лице, хмуро шутят про ковбоев и индейцев. А тут еще и аборигены пожаловали. Ну чисто Дикий Запад! Русские, коряки, мужчины, женщины — они надвигаются на рыбозавод мрачной тучей.

— Первый, первый! Тут митинг какой-то! — докладывает в рацию охранник и давит в себе желание поднять руки и сдать.

Директора рыбозавода еле расталкивают. Нет ни костюма-тройки, ни шейного платка, к сельской делегации Анатолий Сергеевич выходит в трениках и майке. Как производство и логистику отладил, так и заскучал. Одна радость — рюмка-другая вечером. Утром — чтобы встать. Днем — чтобы всех не послать. К ночи — чтобы заснуть. Скучно москвичу. Да вот дождался новых впечатлений. Трезвеет на глазах.

— Да вы тут в край оборзели! — рычит Зиновьев-старший.

— Из-за вас хоть в противогазе ходи! — рявкает Ивнэ.

— Граждане... сегодня неприятный день... — икает Анатолий Сергеевич.

— Медведи курятник мой ночью взломали! — наступает отец Кати.

— А у меня всю малину вытоптали! — негодует мать Лешки.

— Анатолий Сергеевич, это нашествие! Один сегодня ко мне домой ломился, забор снес, — почти не приукрашивает старейшина.

— Так позвоните этим... егерям... Ик!.. Я-то тут при чем? — все еще не понимает директор рыбозавода.

— Они на вашу свалку прут. На вашу! — не выдерживает Ивнэ.

— Я егерь, — представляется отец Лехи. — Даже если этих медведей пристрелим, завтра тут сотня новых будет.

— У нас тут все по СанПиНу... Ик... Частная территория. — Руководитель предприятия машет в сторону дороги. — Прошу покинуть... ну это... Короче, пока!

Он поворачивается к воротам, делает шаг, но люди не дают ему пройти — они стоят стеной. Молча.

Анатолий Сергеевич разворачивается — в машинах тоже визитеры, и они тоже следят за ним с явным неодобрением. Ладно бы кричали и шумели... Но от тишины приезде специалисту становится не по себе.

Через пару часов директор рыбозавода и с десяток активистов из села наблюдают, как рабочие орудуют лопатами — закидывают известью изрядно обмелевший отстойник.

— Я тут отвлекся. Подчиненные расслабились. — Анатолий Сергеевич жмет руку старейшине, а затем — Ивнэ. — Как говорится, спасибо за сигнал. Недоработки устранены.

— Сразу бы так. — Старейшина косится на Ивнэ. — Вот есть люди понимающие, всегда договориться можно.

— В реку ж нельзя — экология! Проверки, инспекторы, — доверительно шепчет директор рыбозавода. — Надо на полигон специальный, с лицензией государственной. Вот туда все и отправили.

Из ворот рыбозавода выползают три «камаза» с накрытыми брезентом кузовами. По проселочной дороге они устремляются прочь от предприятия и села.

Из леса на мопеде тихонько выезжает Ивнэ и едет следом за грузовиками.

Машины едут через лес, через небольшие ручьи и овраги. Ивнэ держится в полусотне метров от них и не отстает. Тут дорог-то нормальных и нет, одни направления. Особо не разгонишься. Не оторвутся водилы от нее и не скроются.

Шофер последнего в маленькой колонне «камаза» смотрит в зеркало заднего вида, присвистывает, взглядом показывает сменщику на «хвост». Они как братья-близнецы: лет по сорок, грузные, плешивые, с ломаными-переломанными носами, маленькими поросячьими глазками и огромными кулаками.

Сменщик достает смартфон, неуклюже высовывается в окно и фотографирует Ивнэ.

Неторопливая погоня заканчивается через пару часов. Мопед Ивнэ глохнет: мигает, а затем гаснет датчик топлива. Девушка, чертыхнувшись, бессильно наблюдает за тем, как грузовики медленно уезжают от нее все дальше и дальше. Ивнэ вздыхает: на своих двоих она за ними не побежит.

Она чувствует, что на правильном пути, почти вывела на чистую воду того пройдоху, Анатолия Сергеевича. Надо взять завтра с собой полную

канистру, фальшфейеры от медведей и проехать по свежим следам до конца маршрута. А пока что ей надо обратно. Толкать временно бесполезный мопед до поселка придется часа четыре. Успеть бы до темноты.

Ивнэ не ошиблась. Вместо полигона содержимое отстойника из «камазов» сбрасывают в овраг в глухом и безлюдном уголке леса. Отходы с рыбозавода падают на кучу высотой в пару метров — к тоннам точно такого же гниющего мусора.

После возвращения шофер-сменщик демонстрирует начальнику фото Ивнэ на мопеде. Анатолий Сергеевич впервые за несколько недель абсолютно трезв и очень зол.

— Помню я ее! Горлопанка местная. Догнала? — морщится директор рыбозавода.

Шофер отрицательно мотает головой.

— Заигрались мы тут в демократию, совсем народ страх потерял, — закусывает губу москвич. — А надо, чтобы нашел. Ты понял?

Сменщик кивает.

Около трех часов ночи Ивнэ внезапно открывает глаза и садится на кровати. Темно, тихо. Чего подскочила?

Лай. Рычание.

Вот что ее подняло! Ивнэ прислушивается и через пару секунд слышит визг Полкана.

И до нее, что ли, хозяева тайги добрались? Почему Полкаша молчит? Ивнэ крадется на кухню, свет не включает. Берет из раковины нож.

Со двора доносится какой-то шум, в окне в лунном свете что-то мелькает.

Ивнэ медленно открывает входную дверь. Роняет нож, зажимает себе рот руками.

На пороге неподвижно лежит Полкан.

Ивнэ делает шаг вперед. Совсем растерялась, надо же в дом спрятаться! Но как же ее пес без нее? Надо найти плед или одеяло, оттащить его через пару улиц к ветеринару... Боже, кровящи-то сколько!

И пока она пыгается разобраться в мешанине ощущений и мыслей, ее подло, сбоку бьет по голове шофер-сменщик, и вот перед глазами Ивнэ черным-черно, а в голове — пусто.

...Ее долго везут, а потом волокут по земле, затаскивают по камням и стланику наверх. Потом сбрасывают вниз, что-то сказав и хохотнув вслед. Ивнэ думает, что ей снится кошмар. Надо встать и отвязать Полкана. Вдруг и правда медведи во двор заберутся. Убежать псина успеет, а так, на привязи, он и в конуре не спрячется — выцарапают когтями-саблями...

Но когда Ивнэ открывает глаза, она с ужасом понимает, что это не сон. У нее болят ребра справа, ноги и руки в ссадинах, правая щека распухла, правая рука ноет — на какую сторону тела приземлилась, там и урона больше. Волосы в грязи, листьях и травинках. Накануне она так

вымоталась с мопедом, что рухнула спать в том, в чем пришла. Спасибо, что не в пижаме выволокли из дома.

Девушка лезет в накладной карман штанины. Складной нож, коробок спичек, соль в бумаге — все завернуто в пластиковый пакет. Бабушка приучила никогда не выкладывать и даже на пять минут в лес без этого набора не выходить. Тут все так делают.

Ивнэ встает, прижимается спиной к дереву и пытается понять, где она, но кругом лишь темная ночь и непролазная чащоба. Сопки слева, сопки справа, в какой стороне Тилиль — непонятно.

Глава 6

Утром километрах в пятнадцати от избитой Ивнэ на берегу притока хозяйничает Лешка. Поставил палатку, развел костер. Рыба в воде кишмя кишит, забивает каждую ячейку в сети, скоро вытаскивать. Место тут глухое, ни у туристов, ни у местных не популярное. Но Зиня все равно осматривается перед тем, как проверить схрон.

До него идти минут пять, тайник парень сделал из обычной ямы: чуть углубил да накрыл наскоро обструганными жердинами из стволов молодой лиственницы, сверху кинул лапы того же дерева.

В тайнике уже штук тридцать белых пластиковых десятилитровых контейнеров с крышками, в них — засоленная икра. Леха довольно цокает языком и возвращается в свой лагерь — переставить моторку. Чует, что спрятать надо: давно рыбники эту часть реки не проверяли, скоро заявятся. Да и пора варить тузлук — соляной раствор для новой партии икры.

Далеко от Лехинога лагеря Саня вместе с Семенычем патрулирует другой приток реки. Подчиненный — на руле катера. Руководитель лениво оглядывает окрестности — здесь он царь и бог.

— На повороте направо давай! — кричит начальник.

Саня вспоминает, что сюда он еще ни разу с рыбниками не навывался. Он таращит глаза на вполне обустроенный лагерь браконьеров. Где не лицензионный участок — там рыбачить нельзя. Все, кто на реке, — нарушители. Но эти какие-то не в меру наглые. Не разбегаются, только смотрят хмуро на приближающийся катер.

Саня причаливает. Узнает соседа — Толика. Но сверстник даже «привет» не говорит, глаз не спускает с Семеныча. Тот спрыгивает на берег.

— Не ссы. Это я. Благодетель ваш. — Начальник улыбается, как медведь в малиннике.

— Поняли уже. — Толик вроде и пытается улыбнуться в ответ, но получается у него как-то криво.

Семеныч разглядывает бардак на берегу. Тут и там десятки выпотрошенных тушек рыбы, на костре варится тузлук. Соратники Толика молча шкерят кижуча и горбушу, на людей в форме не смотрят.

— Передай старшему, что послезавтра из райцентра показательная движуха с журналюгами будет. Схоронитесь в тайге до пятницы, — цедит Семеныч.

Толик благодарит, но опять же, кажется, не очень-то признателен за подсказку. Знает, что сейчас будет.

— Они же и в тайгу зайти могут. Отвлекать придется, — вздыхает начальник Сани. — По краю ходим, Толик! Так что взносы в полтора раза повышаются.

— Ясно. Скажу своим. — Парень чешет в затылке, мысленно подбирает слова.

Видимо, не находится ничего, кроме мата. Так что он молчит и смотрит, как Семеныч пинает одну из тушек, перед тем как вернуться на катер.

— Вы бы хоть прибрали тут! Медведи же на тухлятину набегут, — укоряет Семеныч браконьеров.

Он поворачивается, идет к лодке и не видит, какой ненавистью вспыхивают глаза Толика.

А Саня — замечает. Перехватывает взгляд и резко отворачивается.

— Отчаливаем. — Начальник запрыгивает на катер.

— А почему не оформляем? — все-таки спрашивает Соловейчик.

— А что тут писанину разводить? Ребята свои, местные. Документы забыли, на следующей неделе привезут, — улыбается Семеныч. — Артель тут у них. Летом не будут пахать — зимой же с голоду сохнут. Помогать людям надо, Санечка.

Катер двигается с места, молодой рыбак направляет его прочь от берега.

— Ты там жениться вроде собрался? Так вот в пятницу премия будет. Свадьбы, говорят, нынче дело дорогое, но жизнь семейная, Санечка, еще дороже. Брюлики там, шубки, сапожки, баньки, чтобы им всем неладно было... — Начальник вздыхает и смотрит на подчиненного.

Саня вспоминает, как радовалась привозным розам Катенька, по-малкивает и кивает.

— Неофициальная премия, сынок, — уточняет Семеныч. — А официально — никакой не будет.

Саня опять болтает головой, как китайский болванчик, и смотрит на воду.

Ивнэ бредет по лесу, падает через каждые несколько шагов. Надо бы подняться на возвышенность и оглядеться, но деревья тут такие высокие, что неясно, на какую сопку лезть. Сил нет. Нужно найти ручей — он выведет к реке — и идти по течению. Где-нибудь да будут люди.

Краем глаза девушка замечает кусты голубики. Чуть не пропустила! Падает на колени и ползет к ним. Половина круглых ягод еще не созрела, рано еще для них, но она срывает все подряд: и созревшие небесного цвета, и только наливающиеся соком розово-фиолетовые, и бледно-зеленые. Пить так хочется, что ей мерещится звук журчащей воды.

Ивнэ замирает. Ей не показалось!

Из чащи она выходит в распадок между двумя сопками. Верхушки деревьев не давали ей разглядеть местность, но теперь Ивнэ знает, что она у подножия пары сравнительно невысоких гор. Правда, понятия не имеет каких.

Но сейчас она слишком занята: умывается, набирает воду в ладони, пьет жадно-жадно. Видит сантиметрах в тридцати от себя то ли хариуса, то ли форель. Да без разницы! Попытка поймать будущий ужин голыми руками не удастся, только промокла и распугала маленький косяк...

Ивнэ возвращается на берег, осматривается, ищет дерево с прямым стволом. Вспоминает, как скучала во время наставлений бабушки, и ругает себя что есть силы. Откуда-то, через года, она снова слышит голос самой близкой родственницы, которая ее растила и пестовала, сколько могла: «Палка нужна ровная. Вровень с твоим ростом... нет, сантиметров на десять выше тебя. Сломай. Определи, с какой стороны наконечник. Расщепи острее на четыре части. Рулетки у тебя с собой не будет, меряй по ладони — от кончика указательного пальца до запястья. Заостри каждый зубец, вложи между ними деревяшки. Нет веревки — рви на ленты одежды или ищи молодые ветки, обмотай ими».

— Хайлем, аня! — Ивнэ следует указаниям, и плачет, и вытирает слезы, и повторяет по-русски: — Спасибо, бабушка!

С острой она как будто преображается и забывает о боли. Наклоняется над ручьем, следит за рыбой, бьет один раз, второй, третий... Мимо.

На четвертый — достает рыбешку.

В сумерках Ивнэ сидит, прислонившись к стволу дерева, перед ней маленький костер. Куски почищенной рыбы Ивнэ нанизывает на тонкую палочку и вертит над пламенем. Она сыта и почти довольна жизнью — ну если сравнивать этот вечер и ночь накануне.

Где-то вдали слышится вой волка.

Ивнэ доедает рыбу, бросает палочку и кости в костер. Поднимается, рассматривает ближние деревья.

Вместо матраса — лапник. Вместо кровати — узловатые ветви толстой старой лиственницы, переплетенные в нескольких метрах от земли. Ночью прохладно, но терпимо. До заморозков еще несколько недель. Ивнэ проваливается в дрему, но все равно сосредоточенно размышляет. Пара-тройка дней — и ее кто-нибудь увидит на берегу реки. Старейшина непременно заявит ее в розыск.

— Хельхет, дельнежнявакек¹, — доносится до нее откуда-то сверху. — Спи, внучка.

Ивнэ думает, что от одиночества у нее уже начались слуховые галлюцинации, но хмыкает про себя, что таким наваждениям она очень даже рада. И тут же проваливается в крепкий спасительный сон.

¹ Буква «ъ» в корякском алфавите передает звук, близкий к «й». Читается примерно как «хейлхет», «дельнейнявакек». — *Примеч. ред.*

Рыбалка идет так удачно, что Лешка под покровом ночи возвращается в село пополнить припасы. Прячет лодку подальше от причала и, как тать, крадется по околице к коттеджу Катиного отца.

Он не нажимает кнопку звонка на калитке, не ломится в ворота и не перемахивает заливчатски через забор. Обходит дом, подбирает несколько мелких камешков и прицеливается в верхнее окно справа.

Катя высовывается заспанная и недовольная. Волосы она заплела в косу, накинула шелковый халат.

— Катюха, спецзаказ есть. — Зиня старается говорить потише.

— Ларек с десяти утра работает. — Девушка не грубит, раз кавалер по делу заявился.

Зиновьев-младший чувствует, что если он начнет «петь» про ее красивые глаза и радость встречи, то эта самая встреча быстро закончится.

— Ты мне мешков пять соли отложи... макарон и тушенки по ящику... Я в девять заберу.

— У тебя деньги-то есть, олигарх? — уточняет Катя.

— Ты меня недооцениваешь. К осени будут, все верну с процентами. — Леха улыбается.

Владелица ларька сразу понимает, зачем парню соль мешками в разгар путины. Даже может подсчитать результаты незаконной рыбалки, но ей лень. Если Зиновьев-младший и запрет свою личную путину, то Зиновьев-старший все равно за него расплатится без споров и уточнений.

— Так ты серьезно, что ли, на Петропавловск нацелился? — фыркает рыжая.

Из темноты делает шаг Саня. Он толкает Леху плечом, сам смотрит вверх.

— Ой, задолбали! — качает головой Катя и чуть громче объявляет, уже для обоих: — Спокойной ночи, мальчики!

Она с шумом захлопывает створки и задергивает шторы.

— Заблудился? — почти спокойно спрашивает друга Соловейчик.

— Это ты, я смотрю, берега попутал, — бычится Зиня.

Саня бьет с размаху, Леха отпрыгивает, достает противника снизу, тот перехватывает его руку. Парни сцепляются, валятся на землю. И тут на них из другого окна льется вода.

Богдан Иванович трясет пустым ведром:

— Брысь отсюда!

За последние несколько лет схватки ухажеров дочери ему уже приелись.

Саня и Леха отступают в разные стороны.

— Ты учти, на реке поймаю — не посмотрю, что вместе служили! — Соловьев выпаливает угрозу и понимает, что дружбе конец.

— Вон к ментам в участок идите — и у них на пороге хоть поубивайте друг друга! — разоряется Богдан Иванович.

— Поймай сначала. — Лешка даже не смотрит на бывшего приятеля, зато улыбается будущему тестю: — Папа, вы не волнуйтесь!

— Мы уже уходим, — почти дружелюбно говорит Саня отцу своей будущей жены.

Соперники расходятся в разные стороны.

— Папа?! Зятек нашелся! Мы с Тamarой ходим парой. Бакланы, даже подруг себе разных выбрать не можете! Валите отсюда! — возмущается хозяин коттеджа.

И кричит уже дочери:

— Катька! Доиграешься же!

Через пару дней, когда Лешка на моторке плывет по реке, шестое чувство приказывает ему заглушить мотор и спрятаться под нависающим над водой деревом.

Не проходит и пяти минут, как мимо пролетает белый катер рыбоохраны, которым рулит Санек. Зиня видит Соловейчика, и тот как будто тоже его замечает... Но нет, показалось.

Рыбник и браконьер, бывшие лучшие друзья, расходятся: один прячется, второй ищет.

Глава 7

Наступает середина июля. Семеныч с подчиненными распугали всех «несогласованных» рыбаков, и на главном течении реки людей нет. Туристы после закрытия лицензионного рыболовного участка в Тилиль не летят, охотники появятся только осенью, когда начнется сезон.

Ивнэ блуждает по берегам ручьев и рек и все чаще разговаривает сама с собой. Один раз она устремилась было на сопку, чуть не сломала ногу, сорвавшись с обрыва, провела более суток без воды и еле вернулась обратно к реке. Теперь она от берега не отходит. Но тут так много островков, поворотов и излучин, что девушка вечно сворачивает не туда, и потом приходится тратить время на возвращение.

Синяки и царпины сходят, к жареной на огне рыбе и лесным ягодам на десерт она привыкла, как и спать на ветвях деревьев и даже сквозь сон прислушиваться к лесному шуму. А вот одиночество доводит ее до отчаяния.

Вслух Ивнэ то ссорится с москвичами, то спорит со старейшиной, то репетирует выступления перед туристами, а про себя считает пени и просрочки по кредитным картам: сувениры и шкуры для декораций она набрала в долг.

В памяти все чаще всплывают наставления бабушки и фразы на корякском языке. Ивнэ путается в диалектах. Ее предки делились на тундровые и береговые племена. Первые разводили оленей, вторые промышляли рыбой и морским зверем. Среди тех и других были разные роды, в зависимости от места стоянки. И у каждого рода был свой диалект... В конце концов Ивнэ плюет на синтаксис, грамматику и произношение. Как чувствует, так и говорит. Среди леса на берегу реки кажется естественным назвать сопку — «тынуп», дерево — «уттыут», лису — «яел».

«Дею тоньвамай, — думает Ивнэ. — Тучи появились».

— Гадство, только дождя не хватало! — кричит она во весь голос.

Ливни в здешних местах — надолго. Придется уходить с берега и искать укрытие в лесу под каким-нибудь раскидистым деревом. Чем дальше она находится вдаль от берега реки, тем меньше шансов кого-то встретить. Но делать нечего — небо с огромной скоростью затягивает темно-серыми клоками. Скоро польет.

На тучи смотрит и Семеньч. Он, как обычно, главный пассажир, а за рулевого и штурмана — Саня. Соловьев за месяц работы похудел и вытянулся, лицо стало злое, взгляд — тяжелый. Друга он с той ночи, под Катькиными окнами, не видел, но мечтает встретить — поймать с полочным на реке и передать системе исправлений и наказаний. Свою любовь к рыжей Санек считает настоящим и искренним чувством, а Лешкину — просто баловством. У Зини девок этих может быть — каждый день новая. Нет, надо ему влезть в чужие серьезные отношения!

Что Саня, что Леха — оба соперника как-то совсем упускают из виду мнение главной красотки Тилиля по их поводу. Как и то, что она — хозяйка своему слову: захотела — дала слово, захотела — забрала обратно. На этом спотыкаются все ее кавалеры, но каждый последующий считает себя особенным и сломя голову несется к разочарованию и крушению надежд.

Если бы Санек хоть на минуту задумался, насколько странным выглядит со стороны его план жениться через пару месяцев на кокетке, с которой он даже не целовался, может, и не было бы этой истории. Но сколько рациональных и всегда поступающих правильно людей мы знаем?

— Вертай в село! — кричит Семеньч. — Ливень на сутки обещают. Дураков тут нет в ихтиандров играть, все нелегалы попрятались.

— Давай еще круг! — настаивает Соловейчик. — Мы левый приток уже пару недель не проверяли.

Гром, молнии, вода стеной. Лешка про себя ругается и сворачивает сети. Закидывает в моторку, прыгает в нее, заводит и на малом ходу загоняет в укромный уголок на берегу. Для пущей уверенности забрасывает заранее наломанными ветвями лиственницы, чтобы выкрашенные белой краской борта не было заметно с реки.

Осматривается, сюда же, в заросли стланика, переносит палатку. Лежать внутри и слушать дождь он не хочет. Раз шум такой стоит, можно и пострелять для разнообразия. Он проверяет одну из котомок — ружье в чехле и коробка с патронами не намокли. Леха заряжает стволы и вспоминает, в какой стороне пару дней назад видел зайцев. Тушенка ему уже поперек горла стоит, а уху он есть не может после рыбозавода.

— Греми-греми! — говорит он вслух небу и уходит в лес.

Всего метрах в четырехстах от стоянки замечает серого зайца. Дождь идет, и охотнику это на руку: животное не обращает на человека внимания, не слышит и не чувствует его запаха. Вода заливает лицо, это плохо, но

Зиновьев-младший в лес с отцом ходил с тех пор, как на ноги встал, и охотиться может даже с закрытыми глазами.

Леха наводит ружье на зайца.

Палец на курке.

Целится...

И замирает.

Не ему одному приглянулся косой. С противоположной стороны поляны ушастому грозит смерть от лап медведицы. Чуть поодаль из-за кустов выглядывают три ее уменьшенные копии. Медвежата, каждый не больше овчарки, смотрят, как мать добывает пропитание.

Леха замечает, что очень громко дышит. И понимает, что его оранжевый резиновый костюм рыбака — слишком яркое пятно. Он медленно-медленно переводит прицел на хищницу.

Она его видит. Рычит.

Везет зайцу, он наконец-то замечает опасность с двух сторон и рвет зигзагообразными прыжками навстречу жизни и свободе.

Медведица делает шаг.

Лешка стреляет.

Ивнэ сидит во время дождя под деревом, слышит гром и в паузе между раскатами — выстрел.

— Люди! Люди! — Она срывается с места.

Зиновьев-младший все делает не так. Нельзя стрелять, если нет уверенности, что сразу убьешь хищника. Раненый хозяин тайги только разозлится и точно тебя прикончит. А при встрече с медведицей, у которой медвежата, вообще лучше особо не отсвечивать: не двигаться, не шуметь угрожающе, не поворачиваться, не пятиться и уж тем более не бежать.

Но сначала Лешку от макушки до пяток заливают страх, а потом — адреналин. Он мысленно орет сам на себя: «Стой!» А на деле — разворачивается и бежит к лагерю. Знает, что медведь при желании развивает скорость не хуже гепарда, но остановиться уже не может. Напролом — скорее к лодке, завести и уйти по воде!

На его счастье, медведица тоже ведет себя не так, как пишут знатоки природы. Вместо зайца в глухом лесу она напоролась на человека, ее напугали гром и вспышка, поэтому мохнатая разворачивается и летит в другую сторону. Детеныши — за ней.

Кроме одного, самого маленького и тощенького. Он отвлекается на убегающего человека, не смотрит вперед и катится кубарем с горки в небольшой овраг.

Скулит, подпрыгивает, но мать и братья уже скрылись далеко за деревьями.

Ивнэ бежит по лесу с самодельной деревянной острогой. Ей и весело, и страшно.

Шуршит трава. Качаются ветви деревьев.

Ивнэ мерещатся то ли погоня, то ли дикий зверь.

Впереди трясется кустарник.

Девушка прислушивается, пятится назад. Доходит до дерева, врезается в него спиной, останавливается, садится на землю. Ей страшно, она зажмуривается и выставляет вперед острогу.

Кто-то рядом сопит. Потом — слабо рычит.

Ивнэ открывает глаза. Перед ней маленький медвежонок. Он поджимает правую заднюю лапу и поэтому, когда пытается подняться и развести передние лапы, валится на спину. Его неудачный пластический этюд «Я злой и страшный хищник» завершается вместо рычания то ли всхлипом, то ли писком.

Было бы смешно, если бы Ивнэ не знала, что где-то рядом бродит родительница этого юного циркача и она разорвет на куски любого, кто посмел угрожать ее детенышу.

— А матушка твоя где? Ухожу, ухожу! — Ивнэ поднимается и быстро-быстро удаляется прочь от медвежонка, стараясь не бежать.

Леха добирается до палатки. Смотрит в сторону леса. Вытягивает руку, чтобы поймать капли дождя. Их нет — дождь почти перестал.

— Нормуль. Пронесло! — выдыхает Зиня.

Сзади его бьет прикладом Семеныч.

В отрубе Лешка проводит минут двадцать. Когда очухивается, не вскакивает и не орет. Даже не шевелится, а из-под полузакрытых век оценивает обстановку.

Он лежит на берегу, а начальник рыбоохраны и Санек уже извлекли из укрытия моторку и контейнеры белые из схрона притащили. Оба на смартфоны фотографируют его лагерь, сеть, лодку, емкости для икры...

Вот вляпался...

Когда бывший друг, а ныне сотрудник рыбоохраны присаживается на корточки, чтобы «щелкнуть» нарушителя, Зиновьев-младший закрывает руками лицо.

— Очнулся, — вздыхает Семеныч. — Не ожидал от тебя, Алексей Павлович! Остальные где?

— В лесу. Вас уже на мушку взяли. — Зиня встает.

— Врет он, — припечатывает Саня. — Один тут промышляет. И выстрел один был!

— А если нет? Ты видел, сколько тут контейнеров приготовлено? Бригадой нужно промышлять! — причмокивает Семеныч.

Соловейчик подходит к Лехе. Ни тени сочувствия на лице.

— Один, один! Псих-одиночка. У него ж ни друзей, ни подруг. Кому он нужен?.. — Санек все еще пытается сфотографировать пойманного браконьера.

— С такими друзьями врагов не надо. — Зиновьев-младший отворачивается от объекта. — А подруги мне и одной хватит. Самой красивой. Я ж везучий!

Семеныч для себя отмечает, что парни явно не друзья, несмотря на то что одного без другого в Тилиле никогда не подразумевали в разговорах. Но ему этот разлад даже на руку. В схроне только пустые контейнеры, а икры — пара килограммов. Несерьезно как-то.

— Птица-говорун, ты язык-то попридержи! И подумай над таким словосочетанием, как «ущерб биоресурсам Российской Федерации», — пугает задержанного Семеныч.

— Особо тяжкое, считай, — врет Саня.

— Да ладно! — Лешка после встречи с медведицей совсем не боится двуногих хищников.

— Ты ж егеря сынок, — мечтательно тянет Семеныч. — Я бы в заповеднике поохотился...

— Да хоть губернатора! — Саня нервничает. Неужели бывший кореш, как всегда, выйдет сухим из воды?

— Да ладно, мужики, из-за пары литров? — Зиновьев-младший решает про себя, что сейчас главное — договориться о чем угодно без протокола, а уж когда он доберется до села, то там уже все взятки будут гладки. С другой стороны, озирается Лешка, эти двое вышли на патрулирование без подмоги, можно и сейчас сбежать. Потом никому не признаются, что он их вокруг пальца обвел, — их же и засмеют.

Он вскакивает, бросается на Саню, валит его с ног и несется к катеру рыбоохраны.

Семеныч — за ним. Беглец забирается в катер, заводит, спихивает с борта подоспевшего Семеныча. Но с другой стороны в катер уже запрыгивает Саня.

Семеныч валится в воду. Катер начинает разгон.

Леха вцепляется в руль, а ногой пытается отпихнуть Саню, который во время старта не удержал равновесия и свалился на дно судна.

Соловейчик прыгает на Леху и начинает его душить. Леха коленом бьет бывшего друга в пах, сбрасывает с себя, вновь хватается за руль. Саня, сжав зубы, опять валит противника, бьет по голове, еще раз, и еще, и еще...

Хорошо, приток в этом месте широкий, уже бы врезались в берег.

Лешка изворачивается, поднимается — и падает за борт: Санек специально развернул катер на девяносто градусов.

Катер еще по инерции мчит вперед.

Саня поворачивает руль.

Катер делает полукруг на реке и мчит на Леху, но в последний момент Соловейчик снова делает маневр и обходит болтающегося в воде браконьера.

— Я сегодня добрый. — Начинаящий инспектор рыбоохраны сам не замечает, что постепенно превращается в копию начальника.

— Козел! — Лешка выплевывает воду и старается удержаться на плаву. — До села же двести кэмэ!

— Двести, — себе под нос бурчит Саня. — Но ты же везучий.

Соловейчик причаливает к берегу, смотрит на воду — и холодеет. Зиня не пристал ни к этому, ни к другому берегу. Его не видно на воде ни вверх, ни вниз по течению.

Глава 8

Ивнэ так долго идет от места, где предположительно были охотники, что понимает: она опять потерялась. Но за пару недель блуждания в лесу девушка научилась относиться к этому философски: жива-здорова — все уже хорошо. Бог не выдаст — свинья не съест. В ее случае — медведь.

Она останавливается и прислушивается, пытаюсь понять, в какой стороне журчит вода.

Сзади раздается шорох. Ивнэ закусывает губу и поворачивает только голову. Из зарослей папоротника торчит пара коричневых мохнатых лапок, а так медвежонок очень даже удачно спрятался.

Девушке становится не по себе. Звереныш ее преследует и, скорее всего, не он один. Сам-то малыш миленький и безвредный, вот только телохранильница у него — центнера два мышц, когтей, клыков, злости и материнского инстинкта.

Ивнэ делает шаг, потом еще один и на деревянных ногах идет туда, откуда слышит плеск воды.

Вспоминает про навыки выживания в лесу и начинает петть вслух первое, что приходит в голову. Какую-то ерунду из хит-парадов попсы прошлых лет. Неважно. Сытый медведь за ней не увяжется, тут людей немного, и в теории бурые обитатели лесов от человека сами должны шарахаться как от огня.

Скоро в горле начинает саднить от непрерывного и громкого пения, ладонь, сжимающая острогу, белеет от напряжения. Но Ивнэ не останавливается, лишь изредка оглядывается — и видит, как медвежонок следует за ней, уже не прячась за кустами и деревьями. Зверек никуда не девается, больше никого вокруг не видно, и девушка постепенно перестает нервничать.

В реке она замечает серебристые спинки рыб и решает озаботиться ужином. Заходит по колено в воду и становится наизготовку. Долго приглядывается, затем бьет. Вытаскивает еще живую, извивающуюся на остроге горбушу.

Ивнэ уже разворачивается к берегу и тут слышит справа от себя плеск. Медвежонок зашел в воду, но сам не охотится — смотрит на человека.

— Вот лентяй! — вслух ругается девушка. — Прыгать же тут начнешь, весь косяк распугаешь...

Она вздыхает, снимает рыбу, кладет на воду и острогой подталкивает в сторону юного нахлебника. Зверек будто того и ждал: хватается добычу и тащит на берег. Мол, лови сколько тебе угодно, теперь мешать не буду.

Корячка не выходит из воды, пока не набивает десять рыбин. Половину улова ее новый друг сожрал еще на берегу, а теперь ковыляет в паре метров от нее и косится на оставшееся. Ивнэ нанизала рыбки тушки на ветку и несет в другой руке. Пожарит, когда найдет место для ночлега. Ей столько не надо, но вечером нужно будет и поделиться с мелким вымогателем, и для мамыши его оставить что-нибудь: вдруг та нарисуетя.

Сзади становится тихо, и Ивнэ притормаживает. Зверек ушел в сторону и сунулся в куст голубики — только филейная часть туловища с задними лапами торчит. Девушка подходит ближе. Теперь понятно, почему малыш свернул с тропинки. Круглые синие ягоды блестят от росы. Ивнэ присаживается рядом и собирает голубику.

— Так у нас сегодня на ужин еще и десерт будет? Спасибо.

Наверно, это ненормально — обращаться со светскими репликами к медведю, но Ивнэ впервые за несколько недель не чувствует себя одинокой.

Половину сырой рыбы Ивнэ кинула метрах в пяти у костра, туда же чуть позже бросила требуху, головы и хвосты от своей порции. У нее уже закончилась соль, и пресный ужин она жует без особого удовольствия.

Зато горит огонь, одежда почти высохла, руки-ноги на месте, к реке она вернулась. Медвежонок наелся, уже играет с тушкой горбуши, к костру не подходит, но и не уходит далеко.

— Кайнын. По-корякски тебя кличут — кайнын. Даже кай-кайнын, маленький медведь, — рассказывает Ивнэ своему безмолвному новому другу. — Но мне не нравится тебя так называть.

Девушка смотрит на медвежонка, а тот подходит ближе, ложится на землю и кладет голову на передние лапы. И очень внимательно за ней наблюдает, как будто понимает ее слова.

— Повезло тебе, что меня встретил. Иначе съел бы тебя кто-нибудь. — Ивнэ кидает остатки пищи в огонь, в том числе и целый кусок жареной рыбы, как бабушка раньше делала, — «духов умиловить». — А так нас обоих съедят... Или подавятся, да? Везунчик. Нравится тебе такое имя?

Как и во все предыдущие вечера, девушка готовит себе «постель» на ветках лиственницы метрах в трех от земли. Только теперь она сделала еще одно «гнездо» — для медвежонка. Его даже звать не пришлось — ловко вскарабкался и свернулся в клубок, как кошка. Медведи перестают лазать по деревьям года в два-три, когда набирают вес. Ивнэ оставляет костер гореть, добавляет в него пару коряг — пусть дымит: и мелких зверей отгонит, и вдруг кого из людей привлечет.

— Спокойной ночи, Везунчик! Завтра вдоль реки пойдем. Куда-нибудь да выйдем, — говорит Ивнэ перед тем, как заснуть.

Утром медвежонок держится ближе к девушке, чем накануне, но вплотную не подходит. Он все еще хромает, так что Ивнэ идет медленнее. Она только иногда поглядывает на Везунчика, но по шороху и шуму от камней и веток всегда знает, что он где-то поблизости.

Ивнэ уже хочет сделать привал, когда видит, что зверек остановился у высокой травы на берегу и принюхивается. Она идет к нему, выставляет вперед острогу и отодвигает «завесу».

В просвете видны чьи-то голова и руки...

С момента их последней встречи Леха оброс, борода появилась, а теперь еще и лицо распухло, под глазом синяк. Ивнэ не узнает его, но спускается в воду и не особо бережно тащит находку на сушу.

— Нежнее... еще нежнее... — Зиня даже при смерти не может не шутить.

Ивнэ переворачивает его на бок, бьет между лопаток. Он кашляет водой вперемешку с кровью.

— Живой? — интересуется спасительница.

— Живы будем — не помрем, — выдавливая Зиновьев-младший.

— Лешка? — Ивнэ наконец опознает бывшего одноклассника по голосу.

— Прошу любить и жаловать. — Браконьер на удивление бодро разговаривает. — Могла и не напрягаться. Я отдохнуть решил, сам бы через пару минуточек из воды выполз.

— Лешка! — Ивнэ закатывает глаза. — Ты идти можешь? Или хотя бы ползти?

Через полчаса он снова теряет сознание. Но они уже у костра, Ивнэ стащила с него одежду и повесила сушиться. Вот только медвежонок Зиня видит в первый раз: поначалу зверек прятался. А сейчас подполз близко и лицо «находки» обнюхивает.

— Инга, ты зачем себе этого тамагочи завела? — хрипит Леха и пытается отползти от зверушки.

Ивнэ рубит ножом рыбу, кидает на траву.

— Его зовут Везунчик. А меня — Ивнэ. — Девушка наблюдает, как медвежонок отскакивает от чужака. — У тебя лодка перевернулась?

— Типа того. Разбилась в труху, наверно. Или в море уже килем кверху. — Зиновьев-младший решает пока не рассказывать о своих приключениях: хвастать-то нечем. — А ты чего, шаманишь тут по заветам предков? Травки опять собираешь?

— Типа того. — Ивнэ тоже говорит уклончиво.

Медвежонок идет к рыбьим хвостам, потрохам и головам, начинает есть.

— Зря ты его прикормила. — Лешка двигается поближе к костру. — Все, не жилец. К людям выйдет — пристрелят.

— С рук не кормлю. Он всего сутки со мной, не привыкнет. — Ивнэ нанизывает куски рыбы на прутья. — В заповеднике егерям отдам, они его к сородичам отвезут.

— Там его свои сожрут. Кому он без мамки нужен? — рассуждает Зиня.

— Он же Везунчик. Я так его назвала. — Ивнэ жарит рыбу над огнем.

— Он — везунчик, я — везучий. — Лешка щупает ребра и морщится. — Только тебе нас вывезти надо.

— Нужно идти по течению. Где-нибудь ближе к морю будет пост егерей или пограничников. Или патруль рыбоохраны. — Девушка протягивает Лехе прут с прожаренными кусками рыбы.

— Они раз в десять дней побережье обходят. Пойдем в село, я дорожку знаю напрямик через лес. Зачем нам крюк делать? — Зиновьев-младший хватается за ребра, страдальчески кривится, исподтишка наблюдая за реакцией Ивнэ. — Это Радужная протока. Километров сто пятьдесят по берегу. А по прямой — шестьдесят. Ну семьдесят максимум. Ноги-то у меня целы. Доползем.

— А медведь? — Ивнэ смотрит на зверька.

— Отцу отдам. Он его закинет, куда скажешь. Может, его мамка на реках сейчас.

Лешка врет, но ему нужно увести неожиданную помощницу от берега.

На набережной в селе Тилиль тетя Галя мечется между моторкой своего мужа и Семеньчем. Саня отворачивается от матери бывшего друга и делает вид, что очень занят. Пока он копошится на борту катера рыбоохраны, начальник страдальчески морщится.

— Это наша моторка! — наступает на Семеньча мать Лешки.

— Галина! Плавсредство конфисковано во время спецоперации. И два кэгэ красной икры рыб лососевой породы. — Семеньч переходит на доверительный шепот. — Ты что, хочешь, чтобы я на вашего наследничка «уголовку» открыл?

— Украли! Сперли у нас лодку! Выхожу — нет ее! — выпаливает женщина.

— Вот и чудненько. А где Лешка твой, понятия не имею. — Семеньч пожимает плечами.

— Ты греха на душу-то не бери. Точно не видел? — Тетя Галя жалеет, что муж опять уехал в заповедник: он этого «хитромудрого» вмиг раскрутил бы на подробный рассказ.

— Галь... Если он там и был — нас увидел и утек. В лесу отсиживается, наверно. Нарисуетя — у него и спросишь. — Семеньч стоит на своем как скала.

Мать Лешки идет к Соловейчику, уж этот-то должен больше сказать. Но Санек отворачивается и уворачивается от ее взгляда, пока она не вскарабкивается на катер и не хватает его за плечо. Сашка с неохотой разворачивается и угрюмо на нее смотрит. У него разбито лицо — ссадины на скуле и фингал после драки.

— Это откуда? Саша, Сашенька, да скажи же мне! — Тетя Галя всплескивает руками.

— Теть Галь, да упал я. — Соловьев сбегает с катера, врать ему не по нутру. — Извините...

Вечером Соловейчик идет к Кате. Вид у него, мягко говоря, не-презентабельный. Но его словно магнитом к ней тянет; головой-то он понимает, что она тоже будет задавать вопросы. Весь Тилиль уже гудит, что нашли моторку без рыбака. Семеныч запретил топить или прятать плавсредство: тогда уж точно на них утопленника повесят, если найдут. А если сам выберется, то молчать будет «как рыба об лед», по выражению начальника.

Саня не собирается кидать камешки в окно будущей жены, он уверенно идет к калитке. Уже поднимает руку, чтобы постучать, и тут видит силуэты девушки и ее отца в окне на втором этаже. Слышны голоса, разговор идет на повышенных тонах.

— Дура малолетняя! Я тебе ларек отдал, так ты решила, что все — стала взрослая и умная? — бушует Богдан Иванович. И пощечину дочке вмазывает такую, что слышно на все село.

Соловейчик задирает голову и слушает.

— Хватит! — Катя тоже на взводе.

— Ты что устроила, идиотка?! — Торговец больше не распускает руки, но и не утихомиривается. — Один в могиле, второй сядет! Все село в курсе уже. А не сядет, ты как с ним жить будешь?

Вот и озвучил отец невесты то, о чем судачат сегодня все местные кумушки.

Саня вжимает голову в плечи и уходит. Пару дней назад на реке ему все казалось таким правильным — и его победа, и Лешкино поражение. А вышло все совсем не так, как он себе представлял. Больше всего его мучает то, что любимая девушка про него ни слова не сказала. Не заступилась, не поддержала, не крикнула, что он на такое не способен. Впервые за полтора месяца Соловейчик с тоской думает о друге — не «бывшем», как он уже почти привык его называть.

Раньше с таким вихрем чувств и сомнений он шел к Зине. Иногда даже не говорил, почему тошно или грустно, ему хватало побыть немного в компании друга, потрепаться на отвлеченные темы — и отпускало. А теперь и рассказать некому...

Саня вспоминает про Семеныча и решает посоветоваться с ним.

Случай представляется уже на следующий день. Километрах в пятидесяти от села рыбаки накрыли стан «несанкционированных» браконьеров.

Пока коллеги оформляют протоколы на берегу, Соловьев с начальником по колено в воде толкают катер поближе к суше. Мотор внезапно заглох, надо посмотреть сейчас, на земле, чтобы потом не застрять посреди реки. Семеныч может этим и не заниматься, но ему до одури надоели бумаги и опросы. На то у него есть подчиненные, он потом одним глазом посмотрит и подмахнет. А пока надо расспросить Саньку, чего он с таким похоронным видом на людях показывается. Только приступов откровения и раскаяния им тут всем не хватало! Это на реке рыбак кум королю, а на суше своих инспекторов выше крыши, из других органов.

— Ну все, план в июле закрыли. Даже с превышением показателей прошлого года. — Семеньч довольно щурится.

— Может, не надо было? Это Сологубовы. — Санек виновато смотрит на берег. — У них дом весной сгорел, отстраиваться теперь...

— А давай всех отпускать? И икры с рыбкой на дорожку. И платочками белыми помашем. Чистыми-чистыми. Как твоя совесть. — Семеньч и хотел бы помягче, но не выходит.

Начальник и подчиненный доставляют катер на мель. Выходят из воды, собирают снасти задержанных и несут ко второму катеру рыбаков.

— Да у них и полсотни килограммов икры нет!

Саня зло бросает снасти в катер. Забирает вторую партию у Семеньча и бросает туда же. Достает веревки, закрепляет их за поручень.

— Ты, паря, заканчивай. Премию брал? Брал! А откуда она, как думаешь? — Семеньч старается говорить потише.

Теперь они с другими концами веревки бредут обратно к берегу.

— Спасибо скажи, что я про дружка твоего армейского помалкиваю. — Начальник выходит на берег, хватает резиновую лодку, волочит ее в воду.

— А что там рассказывать? — огрызается Соловейчик, привязывая веревку к арестованному плавсредству.

Семеньч идет за второй резиновой лодкой и так же подтаскивает ее к Сане. Паузы в разговоре становятся все дольше.

— Вот и я говорю, нечего тут сопли развозить. Пропал человек в тайге. Бывает. — Начальник смотрит на берег. — Сологубовы тоже молодцы. Договорились бы по-свойски, заранее. И они с икрой, и мы не в обиде. Жадность, Санек, она людей губит.

Глава 9

Лешка сначала шарахается от Везунчика и все оглядывается, не выскочит ли из-за кустов мамаша медвежонка. Но день идет за днем, и зверек уже трусит за людьми, как собака, все больше сокращая дистанцию. Когда Зиня спотыкается об него и чуть не летит кубарем, страх перед будущим грозным хищником окончательно испаряется. Парень ругается и даже легонько пинает мохнатого за то, что тот не смотрит, куда прет. Ивнэ чуть не влепляет Лешке затрещину за то, что он кричит на маленького. Везунчик все равно получает по ушам от девушки за то, что балуется и мешаает идти. Дуются все друг на друга несколько часов. Мирятся вечером, когда Ивнэ ловит рыбу. Ну как мирятся... Лешка и медвежонок подлизываются: они с остройгой управляться не умеют.

Везунчик так потом и путается в ногах, и на привале только что под бок не укладывается, и, кажется, ночью в обнимку бы с девушкой спал, но ветвей таких, чтобы вес их общий выдержали, не находится. Вернее, корячка специально такие не ищет. Она еще лелеет надежду, что медвежонок вернется к своим.

На сопке Ивнэ находит лекарственные растения и чуть ли не на коленке делает мазь для компрессов. Ребра не зарастут мгновенно, но бо- леть будут меньше. Сняжки Зини постепенно проходят, опухоли спадают. Он все чаще балагурит и шутит. Он вообще редко замолкает, трещит без умолку. Раньше это Ивнэ раздражало, а теперь она рада, что не одна. Несколько недель в тишине и одиночестве ей хватило с лихвой. Иногда она просыпается ночью в ужасе, что встреча с Лехой и медвежонком ей приснилась, видит их — и сердце перестает гулко и страшно стучать в груди. Все на месте, все рядом.

Этим утром она просыпается у почти потухшего костра одна, но сквозь дрему слышит, как на другой стороне поляны через кусты ломятся Лешка и Везунчик. Парень в ладошках несет темно-синие ягоды. Ивнэ с улыбкой их берет, потом хмурится. Если жимолость² созрела, так какой месяц на дворе — август уже, что ли? Она не успевает спросить у своего спутника, тот разворачивается и опять уходит в лес. Медвежонок остается рядом с Ивнэ и всем своим видом показывает, что он тут мимо проходил совершенно случайно, но если она поделится ягодкой, то он будет совсем-совсем не в обиде, а даже наоборот. Сам ближе не подходит и в руки мордочкой не лезет.

Зверек маленький, а не наглет, как его старшие сородичи, кото-рых подкармливают. Те сначала просят, а потом начинают требовать. Заканчивается это одинаково — смертельными для мохнатых попро- шаек выстрелами. Или охотники разбираются сами, или местные зовут егерей.

Ивнэ высыпает половину ягод на землю и отсаживается подальше. Везунчика дважды звать не надо, он тут же налетает на лакомство.

— Доброе утро! — Леха возвращается из леса с хворостом.

— Доброе. — Ивнэ съедает последнюю ягодку. — Кофе бы.

— Ага. Покрепче. И три ложки сахара, — вздыхает Зиновьев-млад- ший и подкидывает ветки в огонь.

— Чего мелочиться — пять ложек в чашку. О, когда вернемся, я скуплю у Катьки в ларьке весь шоколад! И буду есть его, есть и есть, пока меня не стошнит... — Ивнэ мечтает вслух и тут же мысленно ругает себя за то, что вспомнила рыжую.

— Я тебе его оплачу, с меня причитается. — Леха как будто и не слышал имя невесты.

— А у вас с Катей серьезно? — Девушка все-таки задает этот во- прос.

— А ты откуда столько про вершки и корешки знаешь? Я думал, вы с бабушкой такие... декоративные шаманки. — Зиня еще со школы славится умением не отвечать на поставленные вопросы.

— Да как-то само в памяти всплыло. Пока русские не пришли, в лесу аптек не было. — Ивнэ обиделась на «декоративных шаманок».

---

² Имеется в виду позднеспелый вид жимолости, растущий на Камчатке и Крайнем Севе- ре. — *Примеч. ред.*

— И антибиотиков не было. Электричества. Школ... — Зиновьев-младший удивленно смотрит на свою спутницу.

— Браконьеров. Интернатов. Водки! — заводится она.

Лешка смотрит на медвежонка, который бочком-бочком ползет к Ивнэ и явно целится прилечь ей на колени.

— Ну все, привык, — опять переводит тему парень.

Зверек добирается до девушки, прижимается к ней и сворачивается в клубок.

— Маленький еще. Забудет. — Ивнэ треплет Везунчика по холке. — Леша, знаешь, как появились вулканы? — Она смотрит вверх — на верхушки огненных гор.

Зиня шурует хворостиной в костре, поднимает глаза и вопросительно смотрит на нее.

— Бабушка рассказывала, что была на земле девушка невиданной красоты. Все парни в нее влюбились. Дрались, воевали, убивали. Рассердилась на них старая шаманка и пообещала превратить их в горы, — растягивая каждое слово, начинает сказку девушка.

Леха бросает палку в костер, встает, идет к вещам и начинает с превеликим усердием в них рыться, как будто что-то ищет.

— Они не послушали. И шаманка выполнила свое обещание. Но в этих мужчинах было столько злости, что она, эта злость, превратилась в лаву. А сами они — не просто в горы, а в вулканы... — Ивнэ комкает историю и быстро-быстро добирается до финала.

Леха бросает вещи на землю, оглядывается, смотрит на вулканы.

— А у вас, коряков, красивых историй про любовь не бывает? — хитро щурясь, интересуется он.

— Бывают. Если любовь есть. — Ивнэ встает и подходит к бывшему однокласснику.

Он почему-то смотрит на нее, но не в глаза, а на губы. Девушка улыбается. Леха делает еще полшага к ней.

— Дай флягу. — Голос у него почему-то хриплый.

— Знаешь, почему я эту сказку вспомнила? — Ивнэ уже шепчет парню на ухо.

— За водой сходить надо, — так же тихо говорит он, но тянется, как будто хочет ее поцеловать.

Ивнэ надавливает Лехе на больные ребра, и он, охнув, сгибается в три погибели.

— Мы неделю уже идем. И вулканы стали ближе, но — справа. А из нашего села они должны быть слева видны. Ты куда нас завел?! — бушует корячка. — Почему ты ничего не рассказываешь про Тилиль? Меня почему не ищут? Кто тебе накостылял? Я, по-твоему, совсем дура набитая?!

На месте Лешкиной стоянки, где они видели его в последний раз, Семеныч и Саня проводят часа полтора. Прочесывают берег, заглядывают под каждый куст и каждую корягу.

— Как корова языком слизнула! Хорошо бы, конечно, но не с нашим счастьем, — резюмирует начальник. — Его мать «заяву» участковому кинула. Пока что — дело о пропаже.

— Семеныч, ты там тоже был, — слишком панибратски напоминает Соловейчик.

Его руководитель останавливается и бьет Саню под дых.

— Ты со мной, щенок, и сезона не отпахал! А уже на «ты»? — цедит сквозь зубы старший.

Саня разгибается, делает шаг к Семенычу, но тот снова бьет его в солнечное сплетение, только на этот раз не отходит, а поддерживает подчиненного, как будто обнимает.

— Да пропал он, и черт с ним! — выдыхает Сашка.

— Я тут подумал... Живой выйдет — расскажет. Труп найдут с синяками — опять вопросики. Куда ни кинь, везде клин, Санечка. — Начальник наконец размыкает объятие.

Он отходит и смотрит на реку, по которой идет еще один катер рыбоохраны.

— Счита́й, командировка. Пока не разберешься — даже не появляйся.

Семеныч уходит к берегу реки, а Саня разгибается и смотрит, как причаливает второе судно, забирает начальника и отчаливает.

От Ивнэ после ее вспышки гнева Леха держится подальше и молчит. Уже через пару часов он выводит ее на свою вторую «базу», расположенную на берегу в устье реки. Вода в реке бурлит от нерестящейся рыбы.

— Вы ж мои золотые! Смотри! — Зиня счастливо машет на сотни кижучей с красными от икры боками.

— Я с тобой не разговариваю. Пока! — Ивнэ разворачивается было в лес.

Но смотрит на чашу, а потом — на медвежонка у ног. Решает, что сначала запасется едой, а потом уже красиво уйдет в закат. И лучше бы — в рассвет, чтобы ночью не шарахаться.

Пока Ивнэ думает, как совместить гордость и здравый смысл, Лешка идет к ближайшему дереву, наклоняется и, как фокусник, поднимает кусок дерна. Под «покрывалом» из травы и цветов виднеется полиэтиленовая пленка. Лешка убирает ее и начинает вытаскивать из ямы свои «нычки».

Ивнэ и медвежонок отрываются от рассматривания рыбы в воде и с круглыми глазами наблюдают, как на поляне появляются свернутая палатка, спальник, мужские джинсы, майка, свитер, стопка носков, принадлежности для бритья, дождевик...

Свернутые в клубок рыболовные сети.

Сдутая резиновая лодка с веслами.

Пластиковый контейнер, в котором лежат чайник, котелок, посуда, консервы, макароны, сахар, соль...

Ивнэ отворачивается, но успевает заметить пачку кофе и несколько плиток шоколада.

Здравый смысл ехидно смеется внутри.

Позже она разводит на берегу маленький костер, жарит на хворостине пресный кусок рыбы и видит, как Зиня небрежно держит над своим большим костром стейки из лосося в решетке-гриль. Он цокает языком, достает приправы. Солит. Перчит.

Ивнэ дует на свой скромный ужин и пробует его — без специй терпимо, но надоело.

А затем до нее доносится аромат кофе. Она против своей воли разворачивается и смотрит, как Зиновьев-младший варит его в какой-то алюминиевой плошке. Не турка, конечно, но за сотни километров от цивилизации вполне сойдет.

— Везунчик, пошли! — говорит Ивнэ, но объевшийся медвежонок спит на берегу пузом кверху среди надкусанных тушек красной рыбы.

Леха выливает кофе из котелка в кружку. Пьет.

— Фу, какая гадость! — Он медленно наклоняет чашку и начинает выливать кофе на землю. — Горький.

Это уже выше ее сил. Ивнэ приподнимается и тянет руку забрать кружку у капризного гурмана.

— Стой! — почти кричит она.

— Мир? — с надеждой спрашивает Лешка.

— Перемирие, — кивает девушка. — На чашку кофе.

— Сколько сахара?

— Две ложки... Пять!

— Извини. Это не Тилиль. И не заповедник. — Зиновьев-младший доливает из котелка кофе в кружку, добавляет сахар и передает Ивнэ. Достает из кармана припрятанную шоколадку. — Мне оставь пару долек.

Девушка маленькими глотками пьет кофе, забирает сладкое.

Браконьер и оглянуться не успевает, а Ивнэ уже дожевывает шоколад и демонстративно кидает в костер фольгу и обертку.

— На здоровье, — ухмыляется Леха.

В сотне метров от берега, возле болота, под стлаником, Леха начинает растаскивать старый хворост и валежник. Ивнэ стоит со скрещенными на груди руками и не делает ни одной попытки помочь спутнику. Пусть у него и ребра болят. Она еще злится на него за обман.

Зиня расчищает жердины и показывает ей основной тайник. Запасной вариант, все по заветам предков. В соответствии с основательным подходом к жизни Зиновьева-старшего. Полтысячи литров икры в пластиковых контейнерах и несколько мешков соли.

— Тут полтонны примерно. Я прошарил, что не надо хранить там, где ловишь. Сразу в другом месте схрон сделал и раз в несколько дней перетаскивал, — поясняет Лешка.

Ивнэ считает в уме стоимость «клада» и присвистывает.

— Это ляма полтора, если перекупщикам скинуть. Если сейчас не тупить, то через пару-тройку недель еще столько же будет, — жизнерадостно сообщает Зиновьев-младший.

— Удачи, — холодно отвечает Ивнэ.

— Я один не управлюсь. Я тебе половину отдам. И медведя твоего пристрою. — Лешка подходит и берет ее за руку.

— И все будут жить долго и счастливо. — Ивнэ смотрит на икру. — Особенно вы с рыжей.

— Да, с Катюхой... Мы с ней уедем. А ты туристов возить будешь. — Зиня валится на колени. — И все довольны. Ну пожалуйста!

Ивнэ смотрит на него сверху вниз, у нее странное выражение лица.

— Хорошо. А то ты ж надорвешься... — Она отворачивается. — До свадьбы не доживешь.

Километрах в пятидесяти от них начинается проливной дождь. Саня в дождевике и «болотниках» бродит по лесу, потом проверяет протоку, затем — заводь.

Чем дальше он это делает, тем злее становится его лицо.

Соловейчик уходит от берега глубоко в лес. Чуть не попадает в болото, но вовремя отдергивает ногу.

На следующий день он не в лучшем расположении духа бродит по лесу и вдруг натывается на давно потухший костер у дерева. Саня поднимает голову и видит сплетенные ветки — бывшее спальное место Ивнэ. Рядом еще одно — поменьше. Соловьев лезет в него рукой, достает клочок бурой шерсти.

— Ерунда какая-то! — Рыбник испуганно оглядывается.

Только сгинуть в лесу ему не хватало. Может, это и есть план Семеныча: все на него свалить? Нет свидетеля — нет проблемы... Санек изо всех сил отказывается считать себя виновным. Это все Леха устроил! Тоска по бывшему другу испарилась. Одежда сырая, в сапогах хлопает вода, из еды — одна тушенка. Мошка задолбала, от нее даже накомарник не спасает. В село за провиантом не смотаешься: начальнику вмиг донесут.

Саня ищет следы, но ничего не может прочитать на земле — все смыл дождь.

Глава 10

Август близится к середине. По утрам в лужах под ногами уже потрескивают льдинки. Но у Зини в схроне нашлась теплая и сухая одежда, пусть и мужская.

По ночам в палатке тепло. Ивнэ иногда даже жарко от мысли, что Лешка лежит так близко от нее, руку протяни. Но он не флиртует, не шутит двусмысленно и лишний раз к ней даже не подходит. Как только она согласилась помочь с заготовкой икры, отношения стали сугубо деловыми, что ли.

Девушке грустно от этих мыслей, но она помнит, какая стройная, ловкая и умная красotka ждет ее спутника в Тилиле. Там, где Ивнэ съезвит, Катюха только глаза закатит — и все несутся извиняться. Где Ивнэ

нагрубит, Катя горестно вздохнет — и все тут как тут, в очередь становятся ее спасать и усовестить обидчика...

Ивнэ вспоминает одноклассницу и прикусывает губу. Конечно, поэтому Леха так странно на нее иногда пялится: они с Катей как небо и земля. Куда ей тягаться с рыжеволосой заводилой, у которой каждый день было по пять желающих нести портфель после школы!

Корячка стоит на коленях перед грудой выловленной рыбы. Ивнэ шкерит ее: вспарывает брюхо, кишки и тушку выкидывает в воду, а ястык — икру в пленке — складывает в большой пластиковый контейнер.

Метрах в пяти от девушки Леха в грохотке — специальном решете — отделяет икряные зерна от пленки. Рядом на костре в котелке закипает тузлук. Леха аккуратно сыплет липкие икринки с грохотки в еще один пластиковый контейнер — с остывшим соляным раствором.

К Ивнэ подходит Везунчик, сует морду в контейнер с ястыком, но тут же получает от девушки по ушам. Обиженный медвежонок трусит к реке, плюхается в воду и ловит рыбу, благо горбуша и кижуч так и кишат у него под лапами.

Ивнэ останавливается и смотрит, как зверек тащит добычу на берег. — У меня такое чувство, будто у нас сын и он только начал ходить, — восхищается Зиновьев-младший.

— Зверюга! — умиляется Ивнэ. — А ты все: тамагочи, тамагочи... Она снова начинает шкерить кижуча. Зиня подходит к ней, забирает контейнер с ястыком, тащит к костру. Садится, протирает ястык в грохотке и исподволь разглядывает Ивнэ.

Как Ивнэ вытирает пот со лба.

Как Ивнэ дует на выбившуюся прядь.

Как Ивнэ встает размяться и потягивается.

Девушка чувствует его взгляд и сама, как будто невзначай, косится на спутника, но он уже сыплет соль в котелок с тузлуком и вроде бы очень занят...

Ивнэ вспарывает брюхо очередной рыбине и выбрасывает отходы в реку. По кустам складывать нельзя — набегут четверолапые «санитары леса».

Несколько распоротых тушек плывут по течению реки. Уплывают все дальше и дальше.

Позже одна из них прибивается к берегу. Из воды ее когтистой лапой вытаскивает медведица, бросает улов медвежатам. Нюхает воздух и смотрит на воду вверх по течению.

Поздно вечером ниже по течению той же протоки уставший, грязный и обросший щетиной Саня набирает на берегу в жестяной чайник воду. В его мини-лагере горит костер и стоит маленькая палатка.

Саня видит, как в круг света на воде заплывает одна тушка кижуча, затем вторая... Соловейчик прыгает в воду, хватая находку. Светит на нее фонариком, проверяет края разреза.

— Ровнехонько-то как... Ножичком, не когтями тебя вспороти! — Рыбник отбрасывает тушку и смотрит в темноту.

В это же время на Лешкиной тайной стоянке медвежонок нежится почти у самого костра. Везунчик совсем не боится пламени. Ивнэ смотрит на питомца и чувствует огромную вину за то, что испортила зверя. Огнем его теперь не спугнешь, в людях он опасности не чует. Зверек за этот месяц чуток подрос, в основном вширь. Выставляет пузо поближе к источнику тепла и явно получает удовольствие.

Ивнэ держит чашку с чаем обеими руками и подглядывает за Лешкой. Тот сидит между медвежонком и девушкой, держит зеркало и бритву, нижняя часть лица — в пене для бритья. Он тоже наблюдает за своей спутницей — через зеркало. Но напрямую взглядами они не встречаются.

Везунчик переворачивается на бок, рассматривает то парня, то девушку, потом фыркает и закрывает глаза.

На следующее утро в селе Тилиль Спиридон Кондратьевич в спортивных штанах и резиновых тапках выходит из дома в сени, зеваает. Берется за ручку входной двери и окаменевает. Улица как будто вымерла: ни кошка не мяукнет, ни пес не гавкнет, даже цепью не бряцает. Домашняя птица и та как будто дала обет молчания. Дурная тишина.

Старейшина не выходит во двор, а посмотреть там есть на что. Весь хозяйственный инвентарь поломан и разбросан. Грядки и половина огорода вытоптаны, как после нашествия бизонов. Дыру в заборе, забитую досками после предыдущего нашествия, медведи пробили еще раз — по свежему ремонту. Кругом на земле возле дома — огромные звериные следы.

Старейшина все еще надеется услышать звуки привычной утренней суеты, но тщетно. Через несколько минут он вздрагивает от выстрелов.

В обед на центральной площади собирается не менее трех десятков жителей села. Почти все — мужчины с винтовками или дробовиками. Без оружия только женщины: мать Лешки и Катя.

— Я предлагаю обратиться к москвичам. У них и связь спутниковая, и ресурсы, — говорит старейшина.

— Обратились уже! — Катюха демонстративно зажимает нос. — Чуешь?

Участники схода, которые стоят позади, постоянно оглядываются, как будто сканируют территорию. В окнах ближайших домов видны встревоженные женские лица. Во дворах — никого.

В одном из домов открывается дверь, на крыльцо выходит ребенок с мячом. За ним выскакивает мать и тянет малыша внутрь, не обращая внимания на его протесты. Слышен звук запираемого засова.

— Кондратьич, ты что все с этим их директором лясы точишь? Спелся? Поделались? — озвучивает подозрения соседей Зиновьев-старший.

— Воняет еще сильнее, чем раньше! — подливает масла в огонь лавочник Богдан Иванович.

— Договариваться надо, договариваться! Не в лесу живем, — стоит на своем старейшина.

— Лешки моего уже почти два месяца нет! Инга... Ивнэ эта тоже месяц как не показывается, а раньше за травами максимум на неделю уходила... А если их медведи загрызли? Делать-то что-то надо! — верещит тетя Галя.

Толпа гудит, люди плотнее обступают Спиридона Кондратьевича. Он и хотел бы им рассказать о трупке Полкаши на крыльце дома своей почти внучки, о невнятном разговоре с директором рыбозавода месяц назад. Но после того разговора двор Ивнэ чудесным образом преобразился: мертвый пес пропал, беспорядок исчез, ничего не сломано, никаких следов драки. Как будто девушка просто ненадолго ушла. Доказательства ее убийства, пусть и косвенные, испарились, идти к сельчанам и в полицию оказалось не с чем. Старейшина чувствовал себя полным дураком, но признаться в этом и общине, и русским тогда побоялся. А теперь вон как все повернулось... Одна надежда, что Инга-Ивнэ еще злее и живучей всех своих предков вместе взятых. В их семейке в каждом поколении был кто-то, чьим приключениям позавидовали бы и Джек Лондон, и Фенимор Купер.

— А-а-а! Помоги-и-ите! — доносится издали высокий женский голос.

Мужчины с оружием срываются с места и несутся на окраину села.

В это же время далеко от Тилиля медведица шествует берегом вверх по течению реки. Она постоянно смотрит на воду и наконец замечает очередную выпотрошенную рыбу. Животное грациозно прыгает в воду и возвращается на сушу с тушкой в зубах. Несколько медвежат семят за мамашей и ждут, поделится или нет.

Слышен звук катера.

Медвежата прячутся в траве. Матушка их даже не двигается с места и хладнокровно наблюдает, как плавсредство пронесется мимо нее в том же направлении.

Катер ведет небритый и усталый Саня. На животных рыбак не обращает никакого внимания, он сам как дикий зверь — унюхал добычу и идет по следу.

Ивнэ и медвежонок сидят на берегу, смотрят на резиновую лодку, которая качается на воде, привязанная веревкой к кольшку.

— И как ты тонну икры повезешь? — насмешливо уточняет Ивнэ.

Леха, выбритый и причесанный, появляется у нее за спиной с подвесным лодочным мотором. Заходит в воду, начинает крепить устройство.

— Там полсотни контейнеров. Я на «Титаник» билета не брала, — недовольно сообщает девушка.

Она отворачивается и видит расстеленный на земле круглый надувной плот с толстой воздушной подушкой. Он пока спущен, но рядом валяется ножной насос. Леха закрепляет мотор и начинает отлаживать его уровень. Ивнэ без особой охоты идет к плоту, подсоединяет шланг и пытается надуть то, на что они потом погрузят засоленный товар.

— Ну, такими темпами, — она косится на лодочный мотор, — к зиме управлюсь.

— Соляры мало. В обрез, — сообщает Зиновьев-младший.

— Как ты рыбников на реке пройдешь? — на всякий случай спрашивает девушка.

— Обойдем поверху. Дотащить надо до распадка в заповеднике. — Леха в час по чайной ложке раскрывает свой план.

— Папа подсобит? — Шаманка-знахарка все равно не понимает.

— Он мне скорее голову открутит, — нервно ржет Зиня. — Не, там перекупщики дежурят. Они сами тайными тропами все в центр тянут. Какими, я не спрашивал.

Саня на катере приближается к месту, где три речки соединяются в одну. Он сбрасывает скорость и на ходу внимательно изучает правый, левый и центральный притоки. Потом почти совсем глушит мотор и присматривается к воде. Из левого притока выплыли, но застряли в траве у берега потрошенные тушки рыбы.

Саня снова заводит судно и на скорости входит в левый приток.

Ивнэ накачивает плот медленно-медленно.

Леха пару раз заводит мотор. Довольно хмыкает. Идет из воды на берег. Хорошее настроение тут же пропадает: Зиновьев-младший понимает, что девушка саботирует процесс.

— Ну, раз-два! Я пока икру притащу, — преувеличенно бодро говорит он.

Когда Зиня уходит, Ивнэ вообще прекращает накачивать плот. Пинает его.

— Не смотри на меня так, — сердито говорит она медвежонку.

Везунчик ничего не понимает, но на всякий случай вприпрыжку летит за Лешкой. Встречает его на середине пути. Браконьер на волокуше из веток тянет по земле пару контейнеров.

— Есть охота. Давай пообедаем? — предлагает Ивнэ, когда они возвращаются к ней с поклажей. — Аж побледнел весь! Отдохни. Я пока кофе поставлю.

— Ставь. Я все-таки еще икры притащу. — Лешка стаскивает контейнеры и с пустой волокушей снова уходит в лес. Медвежонок — за ним.

В сумерках Зиня достает из схрона последний контейнер и ставит его на волокушу. Он тяжело дышит, держится за ребра. Рядом кувыркается Везунчик. Леха выдыхает, берется за веревку.

Он тянет волокушу, медвежонок бредет рядом с ним. За попытку прокатиться ему уже досталось.

— Женщины! Сначала она макароны варила. Потом — кофе. Потом чай ставила. Зуб даю, придем, а плот как лежал, так и лежит. — Леха оставливается, чтобы отдышаться. — Странная она... Но красивая. Жалко. Тебя жалко, тамагочи! Придется расставаться. Вы уж точно больше не увидите. А мы? А что, пусть к нам с Катюхой в город приезжает, да?

Леха снова берет поводья и тащит волокушу. Быстро не получается, да уже и не очень хочется.

— А куда торопиться? Заночуем, а завтра... Завтра! Со свежими силами — в путь-дорожку. Да, тамагочи? — спрашивает Лешка у Везунчика.

Медвежонок, как собака, трусит сбоку и даже не поворачивает к нему морду.

— Не смотри на меня так, — вздыхает Зиновьев-младший.

Он не понимает, что происходит с Ивнэ. Она и в школе была странная. Ее воспитывала бабушка. Родители еще в лихие девяностые начали работать вахтовым методом где-то между Чукоткой и Камчаткой. А в середине нулевых и вовсе пропали. Взрослые что-то знали о нелегальных поставках оленины из колхозных стад и разборках между пастухами и покупателями, но, даже если заходил разговор, никогда не вдавались в подробности.

Во время учебы Ивнэ — тогда еще Инга — ходила в стоптанных торбасах из меха с бисером и дубленке, перешитой из тулупа. У нее никогда не было ни одной новой вещи из магазина. Все не по размеру, с чужого плеча, в заплатках, застиранное-перестиранное, линялое. Она постоянно таскала в сумке то перья, то камни, то варган, на котором играла на переменах. Зато дралась как берсерк, и шутить над ней не смел даже самый отпетый хулиган.

Летом между седьмым и восьмым классом девочка пропала из виду для сверстников. Ее бабка отдала богу душу мирно, во сне, а вот у внучки началось «веселое» время. Ингу отправили в интернат, куда-то на юг полуострова, а после она, по слухам, улетела учиться на материк. Никто уж и не ждал, что вернется. Местные считают так: раз уж выбралась на Большую землю, надо там закрепиться.

Но Лешка понимает Ивнэ. В больших городах, да где угодно вне Камчатки, он и сам чувствует себя маленьким и слабым. Дома, поля, заводы, дороги — там возле мегаполисов свободного места почти и нет. Все распаханно и засажено, разлиновано трассами, застроено «человейниками». Люди живут буквально друг у друга на головах! После севера Зиновьева-младшего не впечатляют красоты чужой природы. Тем более на равнине. Тут, дома, горизонт заслоняют сопки и вулканы, и Леха чувствует себя в безопасности. Потому и не остался по контракту в армии и не собирается никуда улетать учиться или работать. Тилиль маленький, бедный и обшарпанный по сравнению с селами и поселками в центральных районах страны, но уютный и родной.

Ивнэ, правда, порядком раздражает Зиню своим странным отношением к земле и природе. Они задержались, потому что она наотрез отказалась заготавливать икру каждый день. Сказала, что рыбе нужны «выходные» — отнереститься. Лешка сначала бесился. Лосось, как чумной, несется размножаться, чтобы тут же умереть. Разложиться на биомассу там, где появился на свет. И далеко не все икринки станут мальками. Совсем не все рыбешки вернутся в море, где четыре года резвились их родители. Отнюдь не каждая из них через четыре смены сезонов покинет соленую воду и будет штурмовать пресные водоемы и реки — через пороги, встречное течение, пасти медведей и сети рыбаков. Но Ивнэ уперлась как осел: эту заводь она как ковш экскаватора вычерпывать не будет! Не тому ее бабушка учила, матушка-природа не поймет и удачу заберет. Так что работали они через день.

С другой стороны, в «выходные» Ивнэ собирала какие-то корешки и травы и лечила Лешкины раны. И без умолку рассказывала про воронотворца Кутха и богатыря Хончаата³. Зиня в ответ попытался озвучить легенду про влюбленные ручей Кам и речку Чатку, которые в разлуке бросились с крутой сопки и соединились после смерти, — отсюда и название полуострова. Но Ивнэ хохотала, как умалишенная, и презрительно назвала историю сказкой для туристов.

Она нехотя сообщила, что ей говорили об охотнике-ительмене Кончате, в честь которого в восемнадцатом веке сначала назвали реку, а потом и край. Потом отвела глаза и сказала, что, скорее всего, эти места открыл для русских и покорил казак Иван Камчатый в пятнадцатом веке. Версий много, но, какая из них верная, уже непонятно. Письменность коренных малочисленных народов «изобрели» пришельцы с запада. Записали и систематизировали сказания купцы, казаки, православные миссионеры. Если бы не они, не было бы ни алфавитов малых народностей, ни словарей, ни записанных сказок и мифов. А что из сохраненного верно — уже и не разберешь.

Ивнэ считала, что, по сравнению с соседями — североамериканскими индейцами, корякам, чукчам и ительменам повезло стать частью Российской империи. В других странах племена охотников и пастухов быстро исчезали во время завоевания земель бледнолицыми с огнестрельным оружием и колониальными замашками. На Крайнем Севере России местные народы быстро смекнули выгоду от принятия христианства: не крещен — плати ясак, крещен — и налогов меньше, и пользуешься благами цивилизации — медициной и образованием. Ивнэ сильно возмущалась тем, что некоторые доброхоты предлагают сохранить и закрепить коренные малочисленные народы в парадигме существования предков — без интернета, электричества и транспорта.

— Сами пусть коренья и ягоды собирают да кухлянки из шкур косяными иглами шьют, благодетели чертовы! У человека должен быть выбор, — как-то раз гневно выплюнула она.

³ Кутх и Хончаат — герои мифов народов Севера. — *Примеч. ред.*

...С этими мыслями уже после того, как садится солнце, Лешка с волокушей выходит на берег. Везунчик отстал и роет что-то в кустах. Зиновьев-младший видит полуспущенный плот, но широко улыбается.

Ивнэ сидит у костра лицом к реке, спиной к Лехе. Ему виден только ее силуэт.

— Катя... Ой, Ивнэ, прости! Я тут подумал... Столько всего было, и бац — расставаться... — Зиня бросает волокушу возле плота и идет к девушке.

На полпути останавливается и не может понять, что не так. Слышит рычание медвежонка и шорох гальки. Успеваешь заметить, что руки у Ивнэ связаны, а во рту кляп.

Хрясь!

Саня, внезапно появившись, бьет Леху прикладом винтовки по лицу.

Глава 11

Зиня постепенно приходит в себя. Проверяет руки — в этот раз заматаны крепко. Почти что дежавю. Только напротив связанная Ивнэ, а Семеныча не видно. Белый катер рыбоохраны качается на волнах возле резиновой лодки с мотором.

Саня сидит на земле у костра и греет в открытой консервной банке тушенку. Оружие держит под рукой.

— Где ты эту убогую подобрал? Что с ней теперь делать скажешь? — задумчиво спрашивает он, заметив, что друг бывший очухался.

— Саня... Забирай икру. Все отдаю! Тут три ляма чистыми. Я тебе контакты сдам, явки, пароли — всё! — выпаливает Зиновьев-младший.

— А сам я нерпа тупая, да? Не разберусь, думаешь? — с нервным смешком говорит рыбник и смотрит на Ивнэ. — Но она-то мне ничего не сделала.

— А я сделал, да? Я тебе что сделал? — злится Лешка.

— Я ж предлагал на контракт в армейке остаться? — напоминает Санек и не ждет ответа, жадно поглощает тушенку.

— Так и не возвращался бы. — Лешка глазами ищет медвежонка и про себя молится не пойми кому, чтобы они все остались живы: и он, и Ивнэ, и тамагочи.

— Я же, дурак, за тобой пошел. Мы же друзья! — Соловейчик расправляется с нехитрым ужином и бросает банку в костер.

— Новую жизнь начнешь. — Леха кивает в сторону контейнеров с икрой.

— С Катенькой. А ты типа в сторонке молча постоишь? — Рыбник встает и подходит ближе к пленным.

— Да все, проехали, — уговаривает Соловейчика Зиня. — Ты победил. Икру забирай. Катюху прихватывай. Совет да любовь!

— Гад, а ты раньше так сказать не мог? Сбрызнуть в сторону? Тебе бы только потягаться с кем-то, подурковать! — Санек почти кричит. —

Я по селу уже днем не хожу. Все же думают, что я тебя из-за Катюшки грохнул!

— Сань, как принц на белом коне, с баблом появляешься и забираешь Катюху. Мы рисуемся на людях — ты чист. Все, что было в тайге, остается в тайге. Ты в одну сторону, мы — в другую. — Лешка надеется, что жадность перевесит в Соловейчике желание отомстить.

Он рассматривает бывшего лучшего друга и отмечает, что тот плохо выглядит. Похудел, черты лица заострились, борода какая-то козлиная выросла. Рабочая униформа вся в дырах и пятнах. Раньше Санек себе такого не позволял, постоянно повторял, что встречают по одежке.

— Только брось нас здесь! Ни днем ни ночью в Тилиле не появишься! — Девушка выплевывает кляп.

— Ивнэ! — шипит на нее Зиновьев-младший и тут же обращается к Сане: — Бабы эти... Забей!

Соловьев нервно смеется, смотрит с интересом на Ивнэ, затем насмешливо — на Леху.

— Ты нам лодку оставь. Ну плот хотя бы, — развивает тему пленник.

Саня вскидывает винтовку, целится в него. Небрежно интересуется:

— Вы с Ингой прям два сапога пара. Давно тут развлекаетесь?

— Я — Ивнэ! — упрямо поправляет его девушка.

— Вот-вот. Инга, смотрю, тоже заткнуться вовремя ну никак не может! — Соловейчик нервно смеется, но все держит Леху на мушке.

Ивнэ зажмуривает глаза.

— Подъем! — Соловейчик оборачивается, смотрит на контейнеры с икрой.

Ивнэ и Леха неловко, с трудом встают. Руки у обоих связаны.

— Ружбайку убери, — вежливо просит Зиновьев-младший.

— Инга, качай плот!

Санек подходит к Лешке, одной рукой быстро перерезает путы и тут же отходит, чтобы снова навести на пленников винтовку.

— Только дернись! Я не тебя — я ее первой застрелю, — предупреждает он.

Ивнэ со связанными руками идет к насосу, ставит ногу на педаль и начинает накачивать плот. Зиня переносит на него контейнеры. Вот и последний...

Саня переводит дуло винтовки на Леху. Указательный палец — на спусковом крючке.

Ивнэ вдруг замечает за спиной Сани медведицу и делает шаг назад.

Лешка от ужаса забывает дышать.

— Это что за тупой развод? — Соловейчик видит их лица.

Внезапно для него исчезают все звуки природы — ветер, вода, шорохи листы и травы. Санек слышит только стук своего сердца — и звериное рычание.

Он медленно поворачивается и видит в нескольких метрах от себя огромную бурую тушу.

— Тихо. К воде. Не беги, — шепчет Лешка девушке.

Саня пятится назад, доходит до пленников. Он целится в медведицу, но у него так дрожат руки, что винтовка падает на землю.

Выстрел!

Лешка пинает контейнер, с него слетает крышка, драгоценный груз высыпается. Надежда на то, что медведица отвлечется на икру, слабая, но как знать.

Саня бросается к реке, спотыкается, падает в воду. Мимо него проносятся бывшие одноклассники. Лешка в воде хватается Ивнэ на руки и забрасывает на борт катера.

— Заводи! — орет он, а сам разворачивается к медведице лицом.

Соловейчик видит, что между ним и катером — дикий зверь и Леха, ныряет в воду и плывет на середину реки.

И тут наперерез косматой угрозе бросается Везунчик. Он становится между своей матерью-медведицей и двуногим другом.

Леха шаг за шагом спиной отступает к катеру, с облегчением слышит, как — спустя вечность, по его ощущениям, — зафыркал наконец мотор.

Медвежонок прыгает, рычит, иногда смотрит на Ивнэ и скулит. Но не подходит и не дает пройти медведице.

Леха упирается в борт катера, выдыхает, подтягивается. Девушка рывком затаскивает его на палубу и бросается к рулю. Катер резко снижается с места и мчит вниз по течению.

— А хорошо, что он привык! Тамагочи! Молоток, зверюга! Спасибо! — кричит Зиновьев-младший.

Он забирает руль, ведет катер одной рукой, второй обнимает Ивнэ. Внезапно наклоняется и целует девушку...

Обернувшись назад, они видят в отблесках костра, как медведица обходит своего блудного отпрыска, бухается в черную воду и плывет к Сане, а тот бултыхается на середине реки и явно не может справиться с течением.

Лешка резко выворачивает руль и мчит обратно — спасать бывшего друга.

Катер проносится между медведицей и Соловейчиком.

Ивнэ видит на палубе спасательный круг с веревкой, наматывает веревку на поручень, а круг бросает в воду.

Рулевой резко разворачивает катер, чуть сбрасывает скорость, идет прямо на медведицу, и она отплывает в сторону в самый последний момент. Саня хватается за спасательный круг. Катер с Соловейчиком «на прицепе» уносится в ночную даль.

Везунчик разрывается между тягой прыгнуть в воду и плыть вслед за своей новой семьей и желанием уткнуться в лохматый живот матери, по которой он скучал все это время. Его братья и сестры бродят рядом и пока обходят его стороной.

Но спустя немного времени они уже все вместе режутся среди лохмотьев, которые раньше были плотом. Медвежата перемазаны красной икрой: они разломали и перевернули большую часть контейнеров.

Медведица в воде заканчивает рвать в клочья резиновую лодку. Она выходит на берег, отряхивается и идет к медвежатам, по пути наступая на Санину винтовку и сминая ее лапой, превращая в бесполезный лом. Рычит на своих расшалившихся медвежат. Смотрит подозрительно на Везунчика: от него еще несет людской вонью, но пахнет и ею самой.

Медвежья семья дружно скрывается в лесу.

Костер догорает, и берег реки погружается в пугающую, дикую темноту, в которой нет и намека на существование людей.

По реке медленно идет катер. Ивнэ, Леха и Саня по кругу передают друг другу флягу с водкой. Делают по глотку, кривятся.

— Все, проехали? — на всякий случай уточняет Зиновьев-младший. Соловейчик кивает. Отпивает из фляги. Качает головой, когда видит, как крепко Зиня обнимает девушку.

— А сразу так нельзя было? — спрашивает с горечью в голосе.

Лешка беззаботно пожимает плечами, еще сильнее прижимает к себе Ивнэ и целует ее в висок.

Глава 12

К рассвету они добираются до Тилиля, грязные и такие уставшие, что не замечают, как безлюдно на пристани. Почти доходят до дома Зиновьевых и вдруг упираются в преграду из досок, сбитых крест-накрест, и клубков колючей проволоки. Заграждение перекрывает улицу поперек.

— Кто идет? — слышен голос Спиридона Кондратьевича, но самого старейшины не видно.

Леха на всякий случай прячет Ивнэ за спину, не зная, какого приема им ждать.

— Свои, — отзывается Саня.

Из-за угла показываются Зиновьев-старший и Спиридон Кондратьевич, у обоих в руках ружья.

— Лешка! Живой! — радостно выдыхает Павел Александрович.

— Быстро сюда! — Старейшина отодвигает часть заграждения.

Потом они все сидят на кухне в доме Зиновьевых. Нашедшиеся — с мокрыми после мытья волосами, в чистой одежде. Старейшина, Зиновьев-старший и его жена сыплют вопросами, молодежь едва успевает отвечать. Тетя Галя выставляет и выставляет угощения на стол, еще немного — и он сломается от копченого, соленого и сладкого.

— Мать, ты не суетись, — пытается остановить супругу Лешкин отец.

Спиридон Кондратьевич тоже ест. Но медленно и чинно.

— Благодарствую, — говорит он хозяйке. — Всю ночь в наряде.

— Даже за водой с охраной? — спрашивает Зиновьев-младший.

Старейшина кивает.

— Соседку чуть не задрали в огороде. Медведей-людоедов нам только и не хватало! — кипит Павел Александрович.

— Москвичи, уроды, рыбу где-то неподалеку сгрузили, — озвучивает причину нашествия лесных зверей Спиридон Кондратьевич.

Ивнэ отрывается от еды, внимательно смотрит на соплеменника.

— «Договариваться надо, договариваться!» — передразнивает она главу общины. — Я их свалку почти нашла, но спалилась. Потому они меня избили, увезли в тайгу и там бросили.

— Я думал, они тебя убили. Как Полкана, — со вздохом признается пожилой коряк. — А доказательств — нет! Куда бежать, кому жаловаться? Детка, разве же я знал, что они ни собак, ни людей не жалеют!

— Они сами из-за забора носа не кажут, — отрывисто рассказывает егерь. — Нас в пень дырявый послали. Сказали, мол, ждите помощи властей.

— Так штурманем всем селом завод! — весело предлагает Лешка.

В обед на центральной площади он с разочарованием смотрит на расходящуюся толпу односельчан.

— Не, мужики, это уже чистая уголовка, — ворчит, уходя, отец Кати.

— Что, до зимы сидеть по хатам будем? — пытается задеть соседей за живое Леха.

— Пошли домой! — тянет его за рукав Галина. — Только вернулся, опять куда-то лезешь? Москвичи эти явно непростые...

— Мать права. Зверей и пострелять можно. А за этих — нас положат, — пытается уговорить сына Павел Александрович.

Лешка, Саня и Ивнэ ночью покидают свои дома и идут к коттеджу Богдана Ивановича. Бывший браконьер и бывший рыбак, не стовариваясь, подбирают камешки и одновременно кидают их в окно Катиной комнаты.

— Ларек открывается в десять, алкашня, — недовольно бурчит себе под нос рыжая и только потом распахивает створку.

Смотрит вниз и ойкает:

— Ой, Лешенька, привет... Вернулся? — И тут же с другой интонацией: — Вы чего не в дозоре?

— Выходи. Разговор есть. — Санек уязвлен, что с ним возлюбленная даже не здоровается.

Катя выскакивает на крыльцо в куртке поверх ночнушки и в резиновых сапогах. Но всем сейчас плевать на ее внешний вид.

— Катюха, помнишь, батя твой салюты до зимы припрятал? — напоминает Лешка.

— Ага. На Новый год дороже будут, — кивает рыжая.

— Катенька, очень нужны все, какие есть, — вступает в разговор Соловейчик.

— А касса? Я потом что скажу отцу? — Хозяйка ларька не понимает, зачем им в августе салюты, да грядущую прибыль упускать неохота.

— Да какая касса! — горячится Зиновьев-младший. — Сидим по домам, как крысы. Надо рыбозавод громить!

— У нас план есть, — заговорщицки шепчет Ивнэ. — Мы с тобой отвлечем, а парни на территории бедлам устроят.

Корячка нарочно прижимается к Лешке, он, уже привычно, обнимает ее за талию.

Катя видит эту парочку, закатывает глаза. У нее поклонников пруд пруди. Вот еще она за кого-то с кем-то соревноваться будет! К тому же глубоко в душе она рада, что Зиня и Ивнэ сошлись: любовный треугольник с участием Лехи и Соловейчика ей давно надоел.

Во двор в одних подштанниках и с ружьем в руках выскакивает Богдан Иванович.

— Быстро в дом! — командует он дочери и замечает Лешку. — Ежкин-матрешкин! И ты здесь! Мы ж тебя уже почти похоронили, слышал? Слава богу, что все обошлось! Я бы себе вовек не простил, если что... Я же всем вам, дуракам, говорю, что у нас в селе и другие девки есть! И поумнее, чем моя!

— Да мы не свататься, — улыбается Зиновьев-младший.

— Помощь нужна, — признается Соловьев.

— Слышал я уже про ваш план, — чешет в затылке торгош. — Тупее не придумаешь!

Через полчаса на площади возле ларька Богдан Иванович передает парням ящик с петардами. Ему уже поперек горла и патрули, и ограждения на улицах, и необходимость все время бояться: то ли за углом медведь шалит, то ли кто-то из вооруженных добровольцев его самого с бурым хищником перепутает.

Саня и Леха жмут ему руку и скрываются за углом.

— Катька дура! Такой зятек был бы, такой зятек! — непонятно о ком сокрушается себе под нос Богдан Иванович.

Глава 13

Рыбозавод тоже переходит на военное положение. «Усиленная охрана», правда, сводится к тому, что в нарядах по ночам теперь спят в два раза больше сотрудников ЧОПа, чем раньше. Все равно они несут службу за забором, так что дрыхнут без зазрения совести, не опасаясь за свою жизнь. Если начнется кипиш, они его не пропустят.

За минувший месяц во дворе появилась сторожевая вышка, снаружи ее видно над оградой возле ворот. На ней сейчас досматривает десятый

сон очередной страж откуда-то с Волги. И не видит, как с внешней стороны вдоль забора крадется Ивнэ с ящиком петард. Она добирается до калитки, ставит опасную ношу на землю и проверяет время на смартфоне. Затем достает из кармана моток бикфордова шнура, закрепляет его на коробке и, как тень, без малейшего шороха удаляется в обратном направлении.

Отстойник на заднем дворе опять завален рыбьими отходами и покрыт тучами мух. Из темноты сквозь дыру в сетке-рабице на территорию завода проползают Саня и Леха. Они проверяют время на своих сотовых.

— У нас двадцать минут, — шепчет Зиня.

Анатолий Сергеевич дверь в свой личный вагончик никогда не запирает. Никто в здравом уме к руководителю просто так не сунется, только если нагоняй очередной хочется получить. Но сейчас директор рыбозавода наверняка сожалеет об отсутствии на двери засова или простой щеколды. Его, заспанного, в трусах и майке, по мокрой от росы траве ведет — почти тащит, зажав пленнику рот, — к стоянке «камазов» высокий русоволосый викинг. Это, конечно, Леха. А сзади викинга сопровождает с винтовкой поделщик, шатен. Это Саня. Директору ничего не объясняют, только коротко пригрозили: «Тихо, башку свернем!» — да и выволокли из теплой кровати.

Уже в кабине грузовика москвич с облегчением смотрит на пустой замок зажигания. Его похитители в недоумении: они же не знают, что руководитель запретил шоферам оставлять ключи в технике на ночь.

— Где ключи? — шипит Соловейчик.

— В вагончике у водителей, — злорадно отвечает Анатолий Сергеевич.

Парни переглядываются, потом викинг без церемоний затыкает похищенному рот какой-то промасленной тряпкой и смотрит на часы.

— Пятнадцать минут.

Его темноволосый напарник выпрыгивает из кабины.

Ивнэ жалеет, что у нее нет связи с сообщниками. Рации они раздобыть не успели, а сотовая связь в здешних краях проклевывается редко. Девушка смотрит в сторону леса. По земле ползет туман, до рассвета еще час, не меньше. В молочной пелене на фоне темных деревьев ей чудятся силуэты медведей, каждый из которых раз в пять больше Везунчика. Девушка трясущимися руками достает зажигалку и поджигает бикфордов шнур. «Немного не по плану, но ребята сориентируются», — надеется она.

Пока один из похитителей ищет водительский вагончик, Анатолий Сергеевич выплевывает ветошь изо рта и пытается договориться с главварем.

— Ты же у нас работал, кажется? — приглядывается к викингу директор рыбозавода.

— Заткнись, — Леха предельно лаконичен.

— Я просто хочу сказать, что это очевидно глупый поступок, — вкрадчиво начинает Анатолий Сергеевич. — Ни в коем разе не препятствую вашему замыслу. Предлагаю разойтись мирно.

— Тихо. — Лешке очень хочется треснуть пленника по башке, но тот им скоро понадобится в трезвом уме и твердой памяти. В полном сознании то есть.

— Скоро пять утра. Рыбаки пойдут ставить сети. На берегу будет полно народа. А самое главное, что появятся не только они... — Директор рыбозавода притворно вздыхает. — Мы усиление из Петропавловского ЧОПа вызвали — из-за медведей... Но вы еще можете сбежать.

Зиня смотрит в сторону жилых вагончиков и едва не вскрикивает от радости, когда видит на пороге одного из них знакомую фигуру. Но буквально через минуту двери остальных вагончиков тоже распахиваются и на улицу выходят около полусотни рыбаков и охранников.

Ивнэ лежит на земле, зажала уши руками, глаза зажмурила.

Бум!

На вышке охранник, разинув рот, смотрит на фейерверки, расцветающие прямо у него под носом. Сотрудники рыбозавода несутся к воротам, по дороге спрашивая друг у друга, в честь чего такая иллюминация.

Саня в кабине «камаза» трясущимися руками подбирает нужный ключ из связки. Пять машин — пять вариантов...

«Нужно было отойти еще дальше от ящика с петардами». Об этом Ивнэ думает, когда ей в голову сверху прилетает горящий элемент фейерверка. А потом она ни о чем не думает: что не сделал осколок, завершают клубы едкого дыма. Девушка кашляет, сгибается в три погибели и теряет сознание.

Она не видит, как «камаз» выносит изнутри ворота рыбозавода и резко тормозит. Из кабины выпрыгивает Леха и бежит к ней.

Когда корячка приходит в себя, она сидит на пассажирском сиденье грузовика возле окна. Рядом — Зиня, дальше — Анатолий Сергеевич, за рулем — сосредоточенный и мрачный Саня.

— Куда едем? — уточняет Соловейчик. — Где свалка?

— Вас тут спрашивают. — Директор рыбозавода обращается к Зиновьеву-младшему, пытаясь выглядеть максимально спокойно и достойно, насколько это возможно для заспанного человека в нижнем белье.

— Говори, где рыбу свалили! Тебе твои не помогут, — хрипит Лешка.

Он смотрит в зеркало заднего вида и замечает погоню — за ними отправились еще два «камаза».

— Ты же забрал ключи! — выдыхает Зиня.

— Значит, у них запасные, — раздраженно отвечает Соловьев.

Анатолий Сергеевич чувствует себя полным идиотом. Запасные комплекты были только у него в вагончике. Так он думал раньше. Но сейчас директор даже благодарен проходимцам, которые скопировали ключи.

— Какой план? — спрашивает Саня.

Леха молчит.

— Сдаться? — предлагает москвич.

Соловейчик крутит руль и гонит машину в лес. Он его знает как свои пять пальцев и очень надеется, что приезжие здесь ориентируются намного хуже. Саня ювелирно сворачивает перед самой рощей лиственниц и кустами стланика — и одна из машин преследователей на полном ходу врезается в заросли хвойных.

— Давай влево! — Лешка тоже вспоминает местные достопримечательности.

— Там болото! — напоминает его друг.

— Вот именно, — ухмыляется Зиновьев-младший.

Через пару сотен метров лес редет — впереди поляна с редкими кривыми и сухими деревьями. Саня заранее сбрасывает скорость, тормозит и аккуратно разворачивает грузовик на девяносто градусов. А дальше вся компания смотрит, как другой «камаз» со свистом пронесется мимо них и увязает в болотной жиже.

Александр снова заводит мотор, но, прежде чем тронуться с места, открывает окно и кричит преследователям:

— Ручей справа! Справа!

— Люди же, — объясняет он своим, пожимая плечами.

— Выползут. — Лешка видит в зеркало, как преследователи выпрыгивают из увязшего «камаза». — Тут рядом еще одно гиблое место есть. Как раз для нашего пассажира.

Санек знает эту интонацию: как раз с нее и начинаются обычно все их приключения. Так же весело и задорно друг предлагал то на льдинах весной покататься, то школу прогулять, то у отца самогон стибрить, то в армию уйти, то в ней же в самоволку сгонять. Что-то сейчас да будет... Одного у Зини не отнять — с ним никогда не бывает скучно. Даже если потом прилетают «обратка» и «ответка», все, что он предлагает, остается в памяти навсегда.

— Что удумал? — вслух уточняет Соловейчик.

— Этого в болото — и домой, — с кривой улыбкой говорит Зиновьев-младший. — Кроме него, нас на рыбозаводе никто не видел.

— ГЛОНАСС! Тут есть ГЛОНАСС! Можно маршрут посмотреть. Эти неандертальцы его не умеют отключать, а я всегда смотрю, чтобы проверить, не сливали ли они топливо! — пищит Анатолий Сергеевич.

— Гляди-ка — сразу все вспомнил! — с облегчением смеется Зиня. Топить он, конечно, никого не собирался.

До свалки они добираются уже на рассвете. В золотистых утренних лучах десятки тонн разлагающихся рыбных отходов выглядят особенно отвратительно. Дышать тут нечем — смрад такой густой, что его можно рубить и подавать на блюде.

Ивнэ еще слаба. Ей бы вернуться обратно в кабину и плотно закрыть окна, но она, шатаясь, стоит рядом с Лешкой. Груды протухшей рыбы вызывают у нее приступ ярости.

— Это моя земля! Это мой лес, мои реки и моя рыба! — орет она на Анатолия Сергеевича. — Вы — хуже росомах, чаек и песцов! Они подбирают чужие объедки, а вы уничтожаете мою природу, изводите ее! Вырубаете леса, распахиваете землю, огораживаете реки, сливаете в них горючку. Строите свои мерзкие одноразовые городки и завозите одноразовых вахтовых работников и одноразовую пластиковую посуду — ради чего? Чтобы ваши жены и дети покупали дорогие шмотки и хвастались ими, потому как гордиться им больше нечем! Ваш проклятый завод отработает четыре сезона и обанкротится. Нечего будет ловить, неужели непонятно? Все, что вы вычерпали сетями из воды и сгрузили тут «камазами», — это пустые реки через четыре года. Не будет рыбы. Не придет она на шелест купюр. Деньги, деньги, деньги! Ими нельзя дышать, их нельзя пить, их нельзя есть!

Анатолий Михайлович отступает и натывается на парней. Сначала Саня, а потом Лешка толкают его опять ближе к Ивнэ.

— Да никогда такого не было, чтобы в наших селах медведи летом шарахались! Они просто голодные, вот и дерутся за мусор и отходы. Вы все реки заставили сетями и отрезали их от еды. Медведицы к людям на трассы медвежат выводят: покормите малышей, пожалуйста... Какие же вы мерзавцы! У природы можно и нужно брать, но не отбирать же последнее! Вы же не только нас — себя грабите! — Ивнэ переводит взгляд на свалку.

— И что мы с этим будем делать? — Лешка видит не только гнилую рыбу, но и парочку медведей на противоположной стороне оврага. — Звери все не сожрут, а в этой тухлятине, того и гляди, какая-нибудь зараза заведется. Еще и в реку попадет... — Он смотрит на протекающий внизу, рядом с воняющей кучей, ручей.

— Составим дорожную карту мероприятий. Привлечем подрядчиков... — Анатолий Сергеевич лепечет и сам понимает, как глупо столичные шаблоны звучат на другом краю земли.

— Заставить бы тебя руками тут все перебрать! — сплевывает Зиня.

— Очевидно, нам тут делать нечего. — Директор рыбозавода бледнеет, когда замечает косолапых. — Приедут специально обученные люди... Даже тендер проводить не будем. Чтобы быстрее возместить ущерб... матушке-природе.

Саня тем временем лезет в кузов и понимает, что наткнулся на клад.

— Леха! Тут бенз есть и мазут! — Он считает бочки. — Я еще думал, чего машина так тяжело на поворотах идет...

Леха оценивает обстановку. Склоны оврага красноватые от высокого содержания бокситов, на них и на довольно большом пространстве наверху ничего не растет. Да и вряд ли огонь поднимется над краями разлома. Значит, на лес он не перекинется.

Парни быстро открывают бочки с горючим и сбрасывают их вниз — вокруг зловонной кучи и на нее. Санек на всякий случай отгоняет «камаз»

подальше. Медведи удирают после нескольких выстрелов в воздух и протяжных автомобильных гудков. Леха бросает на кучу подожженную ветошь, отбегает и вместе с другими прячется в кабине «камаза» от черного едкого дыма.

Свалка вспыхивает и вскоре уже вся охвачена пламенем.

Пока Ивнэ, Саня и Лешка смотрят, как загипнотизированные, на огненные всполохи, Анатолий Сергеевич пользуется моментом и выскакивает из кабины. Он мечется, как заяц, не понимая, куда бежать, потом вдруг начинает карабкаться на толстую лиственницу. Причина вскоре становится понятна: не все бурые хищники, что околачивались вблизи свалки, обратились в бегство.

— А он в курсе, что медведи умеют лазать по деревьям? — Ивнэ замечает бесстрашного косолапого, который не ретировался при звуках выстрелов и вое пламени и теперь, заинтересованный, приближается к той самой лиственнице.

— Сейчас и узнает. — Лешка смотрит, как мишка опирается передними лапами на ствол дерева и рычит.

Анатолий Сергеевич лезет еще выше.

— На обезьяну похож. Оставить бы его там, — зло тянет Соловейчик.

— А ментам кого сдавать? Медведя? — шутит Лешка, а про себя думает, что за последнее время его друг сильно изменился.

— Минут через пять спугнем? — не меняя тона, интересуется Саня.

— Через семь, — кивает Леха. — Или десять. Вон как красиво ползет.

— Я тут подумала... Надо не только туры организовать. Можно школу корякского языка открыть. — Ивнэ, несмотря на не очень подходящую обстановку, делится с парнями бизнес-планом. — И курсы какие-нибудь однодневные. Вышивка бисером, к примеру, или резьба по кости. За пару часов брелок можно какой-нибудь сделать...

Друзья одобрительно кивают. Будут туристы — будет работа. И не только на рыбозаводе, в фельдшерском пункте, на почте или в школе.

— Санек, а пошли к Ивнэ экскурсоводами! — то ли в шутку, то ли всерьез предлагает Леха.

Анатолий Сергеевич забрался уже метров на пять вверх, крепко-накрепко обхватил ствол и что-то орет. Медведь на самом деле слишком тяжел для покорения таких вершин, так что просто наворачивает круги вокруг дерева и иногда рычит, не рискуя лезть за добычей. Но директор рыбозавода об этом не знает. Он всхлипывает и клянется больше не пить спиртного, не нарушать законы, не причинять вреда природе и никогда, никогда больше не показываться на Камчатке. Примерно так, только в более эмоциональных выражениях.

— Кажется, клиент созрел, — усмехается Санек и тянется за ружьем, чтобы пугнуть медведя.

Через пару дней Семеныч приходит один на катере в лагерь Толика за очередной данью и не замечает, что впервые за лето браконьер встречает его с прямой спиной и ухмылкой на лице. Толик своим довольным видом чуть не срывает операцию по задержанию, но, к счастью, начальник местного отдела рыбоохраны слишком занят мысленными подсчетами, хватит ли теперь денег на кованую ограду на даче. Он привычно берет стопку купюр — и обомлевает, когда на берег из леса выходят его коллеги, в форме его же родной конторы, но те, кого он хотел бы видеть в последнюю очередь.

— Отдел собственной безопасности управления госконтроля, надзора и охраны водных биоресурсов Камчатского края. Стоять! — приказывает Семенычу подтянутый тридцатилетний брюнет с колючим взглядом.

За тем, как арестовывают бывшего руководителя, издали наблюдает Саня.

— Жадность, Семеныч, она людей губит, — говорит он вслух без эмоций.

Когда ближе к вечеру Соловейчик снова оказывается в селе, ноги сами несут его к ларьку рыжей красотки. Вот и она: закрывает входную дверь явно в предвкушении приятного вечера. Волосы струятся локонами, платье, яркая помада... Но этот праздник женской красоты и обаяния не в Санину честь — Катин взгляд направлен куда-то сквозь него. Парень криво улыбается и смотрит, как прелестница уходит морочить голову кому-то еще.

Рыбозавод в спешном порядке прикрыли после скандала с нелегальной свалкой и в связи с уголовным делом о похищении и избиении местной жительницы. Потерпевшая, она же представительница коренных малочисленных народов Севера, она же шаманка местной общины коряков, она же — невеста Алексея Зиновьева-младшего, гуляет по берегу и проверяет, все ли готово принять первую партию туристов.

Участок на реке снова стал местом любительского лицензионного лова. Заборы и контейнеры увезли, а оставшиеся строения заколотили. По берегу бегают дети и собаки, тут и там горят костры, рыбаки поудачливей уже варят уху, другие еще следят за поплавками спиннингов.

Пару мест Ивнэ оплатила заранее: тут и площадка для мангала, и деревянные столы и стулья для гостей, а удочки пока лежат во времянке контролера участка.

Ее будущий муж и экскурсовод-массовик-затейник Лешка приезжает чуть позже: в наказание за недавнюю длительную отлучку матушка заставила его вычистить весь подпол перед загрузкой осеннего урожая. Он машет Ивнэ рукой, она улыбается ему в ответ и чувствует, как сердце пропускает пару ударов, а потом снова начинает стучать, быстро-быстро. Зиня подходит и крепко ее обнимает.

— Готова завтра пугать людей страшными историями о диком Севере? — подтрунивает он над ней.

— Они за тем сюда и едут — за новыми эмоциями, — кивает девушка.

— Интересно, как там тамагочи поживает? — внезапно говорит Лешка.

— Надеюсь, мы никогда его больше не увидим, — отвечает Ивнэ.

Она скучает по медвежонку, но знает, что так лучше для них всех, и особенно — для зверя, который за месяц так привык к людям, что больше их не боится.

Парочка в обнимку гуляет по берегу и тихо обсуждает, как будет завтра встречать и развлекать туристов.

До первого снега они успевают провести целых пять экскурсий, заработка хватит, чтобы оплатить просрочки по кредитам Ивнэ и даже отложить немного на организацию новых развлечений для приезжих.

За сотни километров от них «тамагочи», он же Везунчик, он же блудный сын медведицы, в шутку борется с братом и легко берет над ним верх. Медвежата шатаются по поляне и норовят то залезть на ближайшие деревья, то обследовать окрестные кусты. Мамаша дремлет, но даже сквозь сон следит за неугомонными детьми. После того как один из ее зверенышей потерялся, а потом нашелся, она увела свое семейство в глубь материка, подальше от этих странных двуногих с их шумной и опасной суетой.

Через год малыши вырастут, окрепнут и разбредутся в разные стороны. А пока она охраняет их и учит выживать в лесу. Совсем немного останется до белого холода и крепкого долгого сна. Спать в берлоге, вповалку с матушкой, братьями и сестрами, будет и Везунчик, а время, проведенное с людьми, он забудет. Только иногда ему будет грезиться кареглазая девушка с острой на берегу реки, но чем старше он будет становиться, тем тусклее и расплывчатее будут эти воспоминания. И в конце концов время унесет их, как бурная река — хрупкие пожелтевшие листья.

